

ИНЕССА ГОЛД

РАЗВОД в 60

СШИТЫЕ РАНЫ ПАМЯТИ

Инесса Голд

Развод в 60: Сшитые Раны Памяти

«Литнет»

2026

Голд И.

Развод в 60: Сшитые Раны Памяти / И. Голд — «Литнет», 2026

- Ты чудом выжила, родная. Я так испугался... Теперь всё будет хорошо,
- мой идеальный, седовласый муж нежно гладит меня по руке, смахивая слезу. Я смотрю в его преданные глаза и пытаюсь улыбнуться. У меня частичная амнезия после страшной аварии, я не помню последний месяц своей жизни. Разум твердит, что передо мной любящий супруг, с которым мы прожили десятилетия. Но почему тогда мое тело сковывает животный ужас каждый раз, когда он ко мне прикасается? Он запер меня в нашем роскошном доме под предлогом заботы. Его врачи пичкают меня таблетками, превращая в покорную, удобную куклу. Он уверен, что я никогда не вспомню. Ни полуоткрытую дверь ординаторской, ни молоденькую интерншу на его столе, ни то, что в день аварии я ехала к юристу с доказательствами. Мой муж-манипулятор думает, что сломал меня. Что легко перепишет на себя клинику, построенную на деньги моего отца, и насладится жизнью с молодой любовницей. Но он ошибся. Я выплюнула его таблетки. Мой разум прояснился, а шрамы на памяти затянулись. Я не стану закатывать истерик и лить слезы. Я просто хирургически точно уничтожу его идеальный мир. И в этом мне поможет мужчина, которого мой муж даже не считает за угрозу... В тексте есть: ✓ Умная, взрослая и адекватная героиня (60 лет - жизнь только начинается!) ✓ Измена мужа с молодой любовницей (разница в возрасте) ✓ Хитрый муж-манипулятор и газлайтер (не карикатурный злодей) ✓ Постепенное обретение себя и холодная, красивая месть ✓ Надежный, настоящий мужчина и зрелая любовь ✓ Психологическое напряжение и семейные тайны ✓ Хэппи-энд для героини! (Она будет счастлива, а предатели получают по заслугам)

© Голд И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	10
Глава 3.	14
Глава 4. (Александр)	17
Глава 5.	21
Глава 6.	25
Глава 7.	29
Глава 8.	32
Глава 9.	35
Глава 10.	39
Глава 11.	42
Глава 12.	46
Глава 13.	51
Глава 14.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1.

Любое, даже самое монументальное и величественное здание начинает разрушаться с микроскопической трещины в фундаменте. Главное – вовремя ее заметить. Я всегда гордилась своим умением видеть скрытые изъяны. В конце концов, до того как стать просто «женой гениального Александра Чернова», я была очень хорошим архитектором-реставратором. Я умела читать трещины на фасадах, понимала язык усталости металла, знала, как именно осыпается историческая штукатурка под гнетом времени и человеческого равнодушия. Но, как оказалось, в собственном браке я проглядела тот самый критический момент, когда несущие конструкции превратились в труху, оставив после себя лишь красивую, глянцевую оболочку.

Дождь лил с самого раннего утра. Холодный, мелкий, методичный, он был типичным для конца октября в нашем элитном поселке Хвойный берег. Здесь, среди вековых сосен и тяжелых, свинцовых озер, природа всегда казалась слегка подавляющей, словно напоминала жителям дорогих особняков, кто тут настоящий хозяин.

Дворники моего кроссовера размеренно смахивали воду с лобового стекла, разрезая серую пелену. Я припарковалась на служебной стоянке частной клиники «Авиценна», заглушила мотор и несколько секунд просто сидела в тишине салона, вслушиваясь в барабанную дробь капель по металлической крыше.

На пассажирском сиденье лежал плотный бумажный конверт без обратного адреса. Всего пару часов назад курьер от частного детектива передал мне его прямо в руки. Внутри лежали они – зернистые, сделанные издавна фотографии моего Саши и какой-то худенькой девчонки у входа в дешевый придорожный мотель.

Я смотрела на эти снимки утром и физически не могла поверить своим глазам. Мой мозг, привыкший во всем искать структуру и логику, категорически отказывался принимать эту уродливую картину. «Это ошибка. Какая-то рабочая поездка, нелепое совпадение. Может, это пациентка, которой нужна была конфиденциальная помощь?» – твердила я себе. Отрицание – сильнейшая анестезия. Тридцать пять лет брака невозможно перечеркнуть стопкой глянцевой бумаги. Мне нужен был повод войти к нему в кабинет в разгар рабочего дня. Просто посмотреть в его глаза, услышать его голос, чтобы эта паранойя окончательно развеялась.

Поэтому рядом с проклятым конвертом в подстаканнике стоял дорогой стальной термостакан. Внутри плескалась Гватемала Антигуа, любимый сорт кофе моего мужа. Маленький, ни к чему не обязывающий сюрприз. Забота, возведенная за десятилетия совместной жизни в безусловный рефлекс.

Я поправила воротник мягкого бежевого кашемирового пальто и бросила короткий взгляд в зеркало заднего вида. Шестьдесят лет. Звучит как окончательный приговор для тех женщин, кто панически боится времени, но я своего возраста никогда не стыдилась. Ухоженное лицо без следов панического вмешательства пластических хирургов, спокойный, ясный взгляд карих глаз, аккуратная короткая стрижка. Я знала себе цену. Мы с Александром выстроили этот фасад вместе, кирпичик за кирпичиком, пожертвовав многим, в том числе и моей карьерой.

Я взяла горячий стакан и вышла под косой дождь, привычным движением раскрыв широкий зонт. Воздух мгновенно обжег лицо сыростью. Он пах мокрой шерстью моего пальто, прелой сосновой хвоей и едва уловимой, благородной горечью гватемальских зерен, пробивающейся сквозь плотный клапан стакана.

Служебный вход «Авиценны» встретил меня привычным комфортным теплом и почти осязаемой, стерильной тишиной. У меня был бессрочный магнитный пропуск. Как-никак, эта клиника строилась во многом на сбережения моего покойного отца. Саша всегда был блестящим врачом, но никудышным бизнесменом на старте. Это я уговорила отца поверить в него. Я

сама чертила план реконструкции этого здания, выбирала каждую плитку, каждый светильник. Но Саша с годами научился виртуозно обходить этот факт в своих многочисленных интервью, предпочитая говорить исключительно о личном гении.

В коридорах административного крыла не было пациентской суеты. Здесь всегда пахло по-особенному, этот запах был визитной карточкой Сашиного бизнеса: выверенная смесь свежего озона от работающих бактерицидных ламп, дорогой полимерной мастики, которой до зеркального блеска натирали светлый керамогранит, и едва уловимого шлейфа люксового мужского парфюма.

Я приветливо кивнула дежурной медсестре на посту. Молоденькая девочка улыбнулась мне в ответ – вежливо, но как-то слишком суетливо, нервно перебирая бланки на стойке и старательно пряча глаза. Тогда я списала ее поведение на обычную рабочую усталость. Теперь понимаю: она прекрасно знала, что происходит за дверями кабинета главврача.

Его личная цитадель находилась в самом конце правого крыла. Мои шаги по идеальному полу звучали глухо, скрадываемые мягкой подошвой удобных замшевых лоферов. Я шла и предвкушала, как сейчас без стука открою массивную дверь, как Саша удивленно оторвется от историй болезней. Как он снимет очки в тонкой золотой оправе, устало потрет переносицу и скажет своим фирменным, глубоким бархатным баритоном: «Юленька, родная, ты моя спасительница».

Но я не дошла до его двери буквально пары метров.

Смежная дверь, ведущая из ординаторской прямо в кабинет Александра, оказалась открыта на пару ладоней. Узкая, острая полоска желтоватого света падала на пол темноватого коридора, разрезая идеальный керамогранит пополам. Я протянула руку к ручке, намереваясь потянуть створку на себя, но замерла, словно натолкнувшись на невидимую бетонную стену.

Из щели донесся звук.

Этот звук категорически не вписывался в выверенную архитектуру элитной клиники. Он ломал ее идеальную, холодную геометрию. Ритмичный, влажный, пошлый скрип дорогой итальянской кожи. Я прекрасно знала этот скрип. Я сама выбирала этот диван в мебельном бутике Милана семь лет назад. Темно-коричневый, массивный, строгий, он должен был подчеркивать непоколебимый статус владельца.

Я сделала полшага вперед, задержала дыхание и заглянула в образовавшуюся щель.

В дешевых женских романах героини в такие моменты роняют подносы со стаканами, истерично кричат, бьют посуду или картинно сползают по стеночке, заливаясь слезами. Но мой мозг реставратора, годами тренированный на бесстрастную оценку ущерба, сработал совершенно иначе. Он просто щелкнул невидимым тумблером, мгновенно отключив все эмоции и переведя мое сознание в режим холодной, хирургической фиксации катастрофы.

Мой муж. Мой Александр Чернов, шестидесятидвухлетний респектабельный врач, меценат и столп местного общества, находился на этом самом миланском диване с Евой Подушкиной. Той самой девчонкой с фотографий детектива. Интерншей из отделения эстетической дерматологии, которой едва исполнилось двадцать четыре года. Детектив не ошибся. Моя иллюзия была уничтожена.

В увиденной сцене не было ни грамма кинематографической страсти. Это было уродливо в своей откровенной, гротескной физиологичности. Я смотрела на них и не чувствовала ничего, кроме ледяного отторжения к деталям.

Идеальная, всегда уложенная волосок к волоску седина Саши растрепалась, открывая блестящую от испарины кожу. Его лицо побагровело от натуги, а дыхание было прерывистым и тяжелым, с явной возрастной одышкой. Он кряхтел. Жалко, по-стариковски торопливо, словно пытался доказать кому-то – скорее всего, своему собственному увядающему эго – свою неоспоримую мужскую состоятельность.

Ева сидела к двери вполоборота, ее белый медицинский халат небрежно валялся на полу. С ее худенького, усыпанного мелкими, невыразительными родинками плеча сползла лямка бюстгалтера. Синтетическая, ядовито-розовая, откровенно дешевая деталь с торчащей ниткой. Мой муж, человек, который мог устроить скандал из-за неидеально отглаженной складки на рубашке или неправильно поданного вина, сейчас был абсолютно счастлив рядом с этой розовой дешевой синтетикой.

Но хуже всего был запах. Воздух в кабинете, который годами пах благородным деревом и Сашиним парфюмом с терпкими нотами сандала, теперь был безнадежно отравлен. Приторно-сладкий, липкий, тошнотворный запах клубничного вейпа намертво въелся в пространство. Он забивался в ноздри, полностью убивая благородную горечь гватемальского кофе, который я все еще держала в руках.

Термостакан остался намертво зажат в моих побелевших пальцах. Я не пролила ни единой капли.

Фундамент моего тридцатипятилетнего брака рухнул с оглушительным внутренним грохотом. Но фасад все еще стоял. Я не собиралась дарить им сцену ревности или радость открытого конфликта прямо сейчас. Я бесшумно отступила на шаг назад в полумрак коридора. Медленно, контролируя каждый мускул своего тела, чтобы не издать ни единого звука, развернулась и пошла обратно. Внешне – спокойная, элегантная жена владельца клиники. Внутри – ледяная, разрастающаяся пустота.

Дождь на улице тем временем превратился в сплошную, агрессивную серую стену. Я механически нажала кнопку на ключе, открыла машину, села за руль и аккуратно поставила стакан с нетронутым кофе в подстаканник. Нажала кнопку запуска двигателя. Мотор отозвался ровным гулом. На лобовом стекле, прямо под зеркалом заднего вида, ритмично замигал красный диод включившегося видеорегистратора.

Мой кроссовер плавно выехал с элитной стоянки, выруливая на извилистую, окруженную плотным лесом трассу Хвойного берега.

И вот тут меня накрыло. Шок работает как мощная местная анестезия, но когда ее действие стремительно заканчивается, боль бьет наотмашь, ломая ребра. Дыхание внезапно стало поверхностным и рваным. Воздуха в просторном кожаном салоне категорически не хватало.

Зрение сузилось до опасного туннельного состояния. В голове, как заезженная виниловая пластинка, начали биться по кругу детали увиденного. Влажный скрип кожи. Розовая синтетическая лямка. Приторный клубничный дым. Мой безупречный муж. Моя абсолютная верность. Все это было стерто в порошок.

Я бросила полный ярости взгляд на пассажирское сиденье, где лежал проклятый конверт от детектива. Схватив его дрожащей рукой, я с силой швырнула его на приборную панель. Клапан открылся, и глянцевые фотографии рассыпались по салону.

– Я вас уничтожу! – мой собственный голос сорвался на хриплый, первобытный крик, больно царапая пересохшее горло. Я с силой ударила ладонью по рулю. – Я все знаю! Будь ты проклят, Саша!

Красный огонек регистратора бесстрастно фиксировал каждое мое слово. Я инстинктивно нажала на педаль газа. Тяжелая машина послушно рванула вперед. Стрелка спидометра поползла вверх: семьдесят, восемьдесят, девяносто. Для мокрой, извилистой и усыпанной осенними листьями дороги это было критически быстро.

Слезы, которых не было в клинике, вдруг подступили едким спазмом, ослепляя меня. Я попыталась смахнуть их тыльной стороной ладони, на долю секунды потеряв концентрацию.

Очередной крутой поворот вынырнул из пелены дождя слишком резко.

Яркий, слепящий свет фар вылетевшего из-за поворота огромного грузовика, водитель которого решил срезать угол по встречной полосе, ударил по глазам. Тяжелая металлическая решетка радиатора неслась прямо на меня.

Рефлексы тела сработали быстрее онемевшего разума. Я изо всех сил, впечатывая педаль в пол, ударила по тормозам и резко выкрутила руль вправо, уходя от лобового столкновения.

Шины истошно завизжали, скользя по мокрому асфальту, потерявшему сцепление. Мой кроссовер ушел в неконтролируемый, страшный занос. В воздухе белым веером взметнулись разлетевшиеся с панели фотографии из мотеля. Мир за окном закружился в чудовищной центрифуге. Огромный, шершавый ствол вековой сосны вырос перед капотом с неотвратимостью пули.

Касательный, но зубодробительный по своей силе удар пришелся на левую переднюю стойку. Металл смялся с отвратительным звуком разрываемой фольги. Меня с чудовищной силой швырнуло вперед и вбок. С оглушительным, похожим на пистолетный выстрел хлопком сработали подушки безопасности, ударяя по лицу жестким белым куполом.

Звон осыпающегося каленого бокового стекла длился, казалось, целую вечность. Острый осколок чиркнул по виску, обжигая кожу огненной болью. А затем грохот рвущегося металла сменился гудящей, звенящей пустотой. Машина остановилась, накренившись на обочине.

Сквозь разорванную, вмятую в салон дверь ворвался ледяной ветер. Сознание начало медленно меркнуть. Последнее, что четко зафиксировал мой угасающий мозг перед тем, как окончательно потерять связь с реальностью, был невыносимо острый запах растертой сосновой смолы. Он смешался с густым, теплым и железистым привкусом собственной крови на моих разбитых губах.

Где-то вдалеке, за плотной пеленой безразличного дождя, непрерывно и тоскливо гудел заклинивший клаксон, пока этот звук окончательно не растворился в абсолютном, звенящем ничто.

Глава 2.

Я всегда считала, что человеческая память похожа на несущую конструкцию старинного особняка. Как архитектор-реставратор, я десятилетиями работала с хрупкостью прошлого. Я знала, как бережно нужно снимать слои потемневшей краски, чтобы добраться до первоначальной фрески, как ювелирно укреплять рассыпающуюся кирпичную кладку, чтобы историческое здание не рухнуло под тяжестью собственного веса. Воспоминания – это кирпичи, из которых мы по крупницам строим самих себя. Но сейчас, застряв в вязкой, удушливой полутьме между сном и реальностью, я с леденящей ясностью осознала: в моем собственном фундаменте зияла сквозная, черная дыра.

Возвращение в сознание не было похоже на внезапную вспышку света или кинематографический вздох. Оно наваливалось тяжело, словно меня медленно, методично придавливало бетонной плитой. Первыми сквозь толщу небытия прорезались звуки. Монотонный, раздражающе-правильный писк кардиомонитора отсчитывал удары моего сердца, сливаясь с тихим гулом приточной вентиляции.

Затем пришел запах. Он был агрессивно стерильным, колючим. Резкий дух хлоргексидина, медицинского спирта и холодного озона от работающих бактерицидных ламп намертво вытеснил все остальные ароматы мира. Никакой прелой осенней хвои. Никакого дождя. Никакой горечи кофейных зерен. Только химическая, безжизненная чистота.

Тело казалось чужим, отлитым из неподъемного свинца. Я попыталась сглотнуть, но язык намертво присох к небу, а горло отозвалось наждачной сухостью. Левый висок пульсировал тупой, горячей болью, кожа там была неестественно стянута – я физически чувствовала жесткие узлы хирургических нитей. Каждое, даже самое поверхностное дыхание отдавалось тупым скрежетом в грудной клетке, словно по ребрам прошли кувалдой.

– Показатели стабилизировались, – произнес где-то сбоку тихий женский голос, шурша бумагами. – Она выходит из медикаментозного сна, Александр Викторович. Вы можете подойти, только умоляю, не утомляйте ее. Ей нужен абсолютный покой.

Я с колоссальным трудом разомкнула тяжелые веки. Режущий, холодный свет ударил по глазам, заставив меня болезненно поморщиться. Зрение фокусировалось рывками. Сначала я увидела матовый белый потолок. Затем – дорогие стеновые панели из светлого дерева и встроенные итальянские светильники. Злая, горькая ирония ударила под дых: я узнала эту ВИП-палату. Три года назад я лично выбирала эти светильники по каталогам, когда проектировала дизайн правого крыла клиники «Авиценна». Я очнулась в клетке, которую построила собственными руками.

Свет заслонила мужская фигура.

– Юленька... – голос сорвался на хриплый, надломленный полусшепот.

Мой муж. Александр. Человек, с которым мы кирпичик за кирпичиком выстроили тридцать пять лет совместной жизни.

Я сфокусировала на нем мутный взгляд и внутренне вздрогнула. Мой всегда безупречный, лощеный Саша, который мог устроить холодный разнос домработнице за неидеально отглаженную складку на брюках, выглядел сейчас как человек, чудом выживший в катастрофе. Его густая серебристая шевелюра, предмет его особой гордости, безнадежно растрепалась. Под глазами залегли глубокие, болезненные тени от бессонницы, аристократичный подбородок порос колючей седой щетиной. Дорогая голубая сорочка – та самая, которую я привезла ему из Рима прошлой весной – была расстегнута на три пуговицы, галстука не было, а рукава небрежно закатаны. Он выглядел измученным, постаревшим лет на десять и абсолютно, тотально несчастным.

Он осторожно опустился на край моей кровати, словно боясь, что матрас подо мной может провалиться от лишнего движения. Его большие, теплые руки обхватили мою ладонь, лежащую поверх жесткого казенного одеяла.

– Господи, родная моя. Ты со мной. Ты вернулась, – он прижался сухими губами к моим костяшкам, и я почувствовала обжигающую влагу на своей коже. Он плакал. Искренне, глубоко, без театральных всхлипов.

Мой мозг, годами натренированный на холодную оценку обстоятельств, бесстрастно зафиксировал эту сцену. Логика твердо диктовала свои правила: передо мной любящий мужчина, который едва не потерял свою жену. Он спас меня. Он не отходил от моей постели ночами.

– Пить... – хрипло выдавила я. Звук собственного голоса показался мне чужим и жалким, похожим на шелест сухой листвы.

Александр мгновенно отстранился, уловив просьбу быстрее, чем я закончила слово. Он схватил со стеклянной прикроватной тумбочки стакан, заботливо вставил пластиковую трубочку и поднес к моим растрескавшимся губам. Обычная фильтрованная вода казалась сейчас самым вкусным, самым ценным, что я когда-либо пробовала.

– По чуть-чуть, милая, не торопись, – его бархатный баритон обволакивал, убаюкивал, погружая в иллюзию абсолютной безопасности. Он мягко поправил подушку под моей головой. – У тебя сотрясение мозга, ушиб грудной клетки и рваная рана на виске от бокового стекла. Но худшее позади. Мои лучшие хирурги сделали всё идеально. Шрама почти не останется, обещаю.

Я откинулась обратно на подушки, часто и тяжело дыша. Вода смочила горло, но ясности ума не прибавила.

– Саша... что случилось? – слова всё еще давались с огромным трудом. – Я не помню. Как я... машина?

Он тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько виртуозно отыгранной усталости, что я почти почувствовала укол вины за то, что заставляю его заново переживать этот кошмар.

– Авария, Юля, – он снова накрыл мою ладонь своей. Его большой палец начал медленно, успокаивающе поглаживать мою кожу. – Жуткая, нелепая авария. Ты ехала по трассе нашего Хвойного берега. Был ливень, видимость практически нулевая. На дорогу из леса выскочил лось. Ты попыталась уйти от лобового столкновения, резко выкрутила руль вправо, и кроссовер вынесло на обочину прямо в ствол старой сосны.

Он замолчал на секунду, его лицо исказила красноречивая гримаса боли. Он всегда умел делать так, чтобы чужая трагедия – даже моя собственная – слегка вращалась вокруг его личных страданий.

– Если бы ты знала, что я пережил, когда мне позвонили из дежурной части, – глухо продолжил муж, глядя мне прямо в глаза. – Я приехал туда раньше скорой помощи. Увидел твой смятый всмятку металл... Думал, что мое сердце там же, на этой мокрой дороге, и остановится. Но теперь всё хорошо. Ты в моей клинике. Под моей защитой.

Лось. Дождь. Визг тормозов. Удар.

Я закрыла глаза и попыталась обратиться к своему внутреннему архиву. Я словно шла по коридорам собственной памяти, открывая нужные двери. Вот мое детство. Вот студенческие годы на архитектурном факультете. Вот рождение нашей дочери Марины, первые бессонные ночи. Вот мне исполняется шестьдесят, и мы с Сашей празднуем мой юбилей в ресторане у озера. Это было в конце сентября. Я помнила вкус лимонного тарта, который мы тогда заказали.

А потом коридор резко обрывался.

Там, где должен был быть октябрь, зияла глухая, непроницаемая бетонная стена. Я не помнила дождя. Не помнила огромного лося на трассе. Не помнила, какую куртку я надела в то

утро, куда и зачем вообще ехала. Последнее четкое, осязаемое воспоминание – как я выбирала образцы шероховатого керамогранита для новой террасы нашего дома, сидя в плетеном кресле с чашкой зеленого чая.

Ужас осознания накрыл меня не мгновенным взрывом паники, а медленным, парализующим ледяным приливом. Ретроградная амнезия. Мой мозг просто вырезал целый месяц моей жизни, оставив меня совершенно безоружной перед этой больничной реальностью. Я не помнила ни единого дня из последних четырех недель. Я была абсолютно пуста, как отформатированный жесткий диск.

– Саша, – мой голос предательски задрожал, несмотря на все попытки сохранить лицо. – Я ничего не помню. Совсем ничего. Какой сейчас месяц?

– Конец октября, милая, – он подался вперед, его лицо оказалось совсем близко к моему. В его глазах плескалось море сочувствия. – Умоляю, не паникуй. Володя Фиалков предупреждал, что из-за черепно-мозговой травмы и сильнейшего шока возможны временные провалы. Твоя психика просто заблокировала воспоминания о боли, чтобы спасти тебя. Это защитный механизм.

Он говорил это так уверенно, так мягко, словно читал лекцию испуганному первокурснику. Он всегда любил выступать в роли непогрешимого авторитета.

– Всё вернется? – спросила я, вглядываясь в его умные, карие глаза, пытаюсь найти в них точку опоры.

– Даже если нет – это совершенно не имеет значения, – Александр ласково улыбнулся, и в уголках его глаз собрались привычные лучики морщин. – Главное, что ты жива. Мы напишем новые воспоминания, еще лучше прежних. Тебе сейчас категорически нельзя нервничать, Юленька. Тебе нужен только покой и медикаментозная поддержка. Я обо всем позабочусь. Я всегда буду рядом.

Он наклонился еще ниже, чтобы поцеловать меня в лоб. Его свободная рука легла мне на щеку, большой палец мягко мазнул по скуле, задевая край жесткого белого бинта на виске.

И вот в эту самую секунду, когда его горячая кожа коснулась моей, произошел непоправимый сбой.

Моя логика, мой выверенный годами разум продолжал твердить: «Это твой муж. Твоя защита. Расслабься, позволь ему заботиться о тебе».

Но мое тело отреагировало совершенно иначе.

Это было похоже на короткое замыкание в оголенных проводах. Как только его пальцы легли мне на лицо, мои внутренности скрутило жесткой, болезненной судорогой. Желудок мгновенно сжался, к горлу подступил тошнотворный, кислый ком отторжения. По спине, вдоль позвоночника, прокатилась ледяная волна первобытного, животного ужаса. Моя кожа под его прикосновением буквально взбунтовалась, покрывшись гусиной кожей, словно до меня дотронулось нечто омерзительное, холодное и смертельно опасное.

Я невольно вдохнула воздух, и запах его дорогого парфюма – те самые терпкие ноты сандала и бергамота, которые я сама выбирала ему на прошлый Новый год, – вдруг показался мне невыносимым, удушливым газом. Этот знакомый до боли запах теперь вызывал лишь острую, паническую потребность немедленно вырваться, сбежать, скрыться любой ценой.

Древний инстинкт самосохранения истошно кричал мне в оба уха: «Беги! Спасайся! Это враг!»

Это было абсолютно абсурдно. Это ломало все законы здравого смысла. Но соматическая память тела, в отличие от поврежденного мозга, не умеет лгать. Тело помнило то, что разум тщательно стер.

Я заставила себя сделать короткий, рваный вдох сквозь плотно стиснутые зубы. Я не отдернула руку и не закричала. Женщины в моем возрасте, обладающие выдержкой и привыкшие годами сохранять лицо перед обществом, не устраивают истерик в реанимации. Кроме

того, где-то на самом темном дне моего подсознания уже пульсировала четкая, ядовитая мысль: если он заметит мой страх, случится непоправимое. Зверя нельзя провоцировать, пока ты заперт с ним в одной клетке.

Я чуть отвернула голову в сторону, имитируя внезапную слабость, и осторожно, но непреклонно высвободила свою руку из его хватки.

– Капельница... – пробормотала я, болезненно морщась, словно от рези в вене. – Тянет. И этот свет... он слишком яркий, Саша. Меня тошнит. Голова кружится.

Александр мгновенно отреагировал на мой сигнал. Он выпрямился, убирая руки, и маска бесконечной заботливости на его лице не дрогнула ни на миллиметр.

– Конечно, родная. Прости меня, я эгоист, совсем замучил тебя, – он виновато улыбнулся. – Тебе действительно нужно спать. Я попрошу дежурную сестру выключить верхний свет и добавить тебе обезболивающего в систему. Я посижу в коридоре. Если что-то понадобится – я здесь, за дверью.

Он нажал кнопку вызова на пластиковой панели у кровати, послал мне последний, полный обожания взгляд и бесшумно вышел из палаты, плотно прикрыв за собой тяжелую дверь.

Свет погас, оставив лишь тусклое, желтоватое свечение дежурной лампы у плинтуса.

Я осталась одна в полумраке своей идеальной палаты. Сердце колотилось о сломанные ребра так сильно, что казалось, датчики монитора сейчас сойдут с ума. Я медленно поднесла к лицу ту самую руку, которую он только что целовал, и с остервенением вытерла костяшки о жесткую ткань больничной рубашки, пытаюсь физически стереть влагу его губ.

Мой мозг был девственно чист. Я не знала, почему я гнала машину в тот октябрьский ливень. Я понятия не имела, был ли на дороге тот проклятый лось. Я не знала, какую тайну скрывает черная пустота последнего месяца моей жизни.

Но, не отрывая взгляда от закрытой двери, за которой находился мой безупречный, плачущий от облегчения муж, я знала только одно. Мое тело не обманешь красивыми словами. Человек, блестяще играющий роль моего преданного спасителя, таковым не являлся.

Он был моей главной угрозой. И мне предстояло во что бы то ни стало выяснить, почему.

Глава 3.

В домах из бетона и панорамного стекла совершенно особенная, безжалостная акустика. Они не умеют хранить секреты, в них нельзя спрятаться, они резонируют от каждого неосторожного шага. Раньше этот наш особняк в элитном поселке Хвойный берег казался мне венцом архитектурного минимализма, триумфом света и воздуха. Сегодня, когда тяжелая бронированная дверь с глухим щелчком закрылась за нашими спинами, отрезая нас от сырого октябрьского вечера, дом показался мне прозрачным террариумом.

Александр бережно поддерживал меня под локоть, пока мы шли от гаража. Он был в том же темном шерстяном пальто и кашемировой водолазке, в которых забирал меня из клиники. На мне был просторный мягкий кардиган без пуговиц и удобные плоские лоферы – единственные вещи, которые муж счел достаточно свободными, чтобы они не давили на мои забинтованные ребра.

Каждый неглубокий вдох отдавался внутри тупой, ноющей болью. Мне казалось, что грудную клетку стянули жесткими металлическими обручами. Я двигалась медленно, аккуратно переставляя ноги по полированному керамограниту прихожей. Рука Саши, лежащая на моей талии, должна была служить мне опорой. Но мое тело, помнящее то, что отказался помнить поврежденный мозг, воспринимало его хватку как конвоирование. Мне стоило колоссальных усилий не отшатнуться, не сбросить его горячую ладонь. Я мелко и часто задышала, списывая свою скованность на боль от ушибов.

– Осторожно, родная, порожек, – его бархатный голос отразился от высоких потолков. – Вот так. Умница.

Мы вошли в просторную гостиную первого этажа. Подниматься по лестнице в нашу спальню наверху мне категорически запретили хирурги.

– Саша, а где Мария? – тихо спросила я, заметив идеальную, нежилую пустоту дома. Наша домработница всегда встречала нас, забирала пальто, суетилась с чаем.

– Я дал ей оплачиваемый отпуск на месяц, – Александр помог мне опуститься в широкое кожаное кресло-реклайнер, потому что лежать горизонтально мне было невыносимо больно. – Чтобы никто не мельтешил перед глазами и не нарушал твой покой. Никаких чужих людей, Юленька. Только ты и я. Я заказал доставку из твоего любимого ресторана, холодильник забит контейнерами с готовой едой. Нам не придется ни о чем думать.

Мой внутренний архитектор, привыкший во всем искать структуру, мгновенно зафиксировал эту деталь. Идеальная логистика. Он продумал всё до мелочей, чтобы мы остались в абсолютном вакууме. Никаких случайных свидетелей. Никаких лишних глаз.

Вскоре тишину дома разорвал зуммер домофона. Александр впустил гостя. Это был Владимир Фиалков – главврач нашего неврологического отделения и давний Сашин приятель по карточным играм.

Я откинулась на спинку кресла и сквозь полуопущенные ресницы начала наблюдать за Фиалковым. Странно, но раньше я никогда не замечала в нем этой неприятной, угодливой суетливости. Он вошел в гостиную, неся в руках кожаный медицинский саквояж. На нем был дорогой, но чуть мешковатый костюм, а его взгляд постоянно ускользал от моего лица, предпочитая фокусироваться где-то в районе Сашиного плеча.

– Ну, как наша героиня? – бодро, но как-то слишком искусственно спросил Володя, подходя ко мне.

Он достал тонометр и начал мерить мне давление. Я заметила, что его пальцы с короткими, неаккуратно подстриженными ногтями были влажными. Он нервничал. Врач с тридцатилетним стажем, находящийся в доме своего начальника и друга, осматривающий пациентку с обычным сотрясением и ушибами, вел себя так, словно прятал в кармане украденный кошелек.

Они с Александром обменялись короткими, красноречивыми взглядами прямо над моей головой. Так взрослые переглядываются у постели тяжелобольного или неразумного ребенка. Этот перегляд резанул меня по нервам острее, чем боль в сломанных ребрах.

– Показатели в норме, но пульс немного частит, – констатировал Фиалков, убирая прибор. Он открыл саквояж и выложил на стеклянный журнальный столик два серебристых блистера с капсулами. – Это новые назначения, Юленька. Красные – мощные ноотропы, они помогут быстрее восстановить нейронные связи после амнезии. А вот эти, синие – легкий седативный комплекс нового поколения. Твоей нервной системе сейчас нужен полный штиль. Посттравматический шок – штука коварная, может догнать через несколько дней. Будешь пить по одной утром и вечером.

Александр уже стоял рядом с хрустальным стаканом, до половины наполненным фильтрованной водой. Он выдавил из фольги две капсулы – красную и синюю – и протянул их мне.

Я посмотрела на гладкие, блестящие оболочки таблеток, лежащие на его широкой ладони. Инстинкт внутри меня забился в панике, требуя немедленно выбить стакан из его рук. Но мой мозг, переключившийся в режим холодного реставратора, оценивающего ущерб, диктовал иное. Если я сейчас откажусь, сославшись на нелюбовь к лекарствам, я вызову подозрение. Я покажу, что не доверяю им. А зверь опаснее всего тогда, когда понимает, что жертва больше не верит в его миролюбие.

Я медленно протянула руку, взяла капсулы, положила их на язык и сделала большой глоток воды. Таблетки скользнули в горло.

– Умница, – выдохнул Александр, и его плечи, до этого едва заметно напряженные, расслабились. Он забрал у меня стакан. Фиалков тоже заметно повеселел, торопливо защелкнув замки своего саквояжа.

Когда Володя уехал, химия начала действовать. Это произошло минут через двадцать.

Сначала по телу разлилось тяжелое, свинцовое тепло. Оно началось в кончиках пальцев и медленно поползло вверх, к груди. Режущая боль в ребрах действительно отступила, превратившись в глухое, далекое пульсирование. Но вместе с болью начало уходить и нечто жизненно важное.

Звуки в доме изменились. Гул дорогой приточной вентиляции, тиканье Сашиных антикварных часов на каминной полке, шум дождя за окном – все это стало ватным, словно я погрузилась на дно глубокого бассейна. Мои мысли, еще недавно четкие и колючие, начали вязнуть в сладком, покорном равнодушии. Тревога, которая держала меня в тонусе с момента пробуждения в палате, растворялась, оставляя после себя пугающую, абсолютную пустоту. Мне не хотелось бежать. Мне вообще ничего не хотелось.

Я заставила себя сфокусировать зрение на муже. Он сидел напротив меня на диване, просматривая что-то в своем планшете.

– Саша... – мой голос прозвучал глухо, язык с трудом ворочался во рту. – Мой телефон. Мне нужно позвонить Марине. Я хочу сказать дочке, что я дома.

Александр отложил планшет, подошел ко мне и опустился на корточки рядом с моим креслом. Его лицо выражало мастерски отточенную, мягкую печаль.

– Юленька, твой телефон остался в разбитой машине. Он разлетелся на куски во время удара, восстанавливать там нечего.

Он сунул руку во внутренний карман пиджака и достал новую, нераспечатанную прямоугольную коробку последнего смартфона. Белый, запаянный в заводскую пленку прямоугольник.

– Я купил тебе новый по дороге. Твой номер уже восстановлен, – он погладил коробку пальцем, но не протянул ее мне, а просто положил на столик, вне пределов моей досягаемости. – Но Володя Фиалков был очень категоричен. Твоему мозгу сейчас необходим тотальный цифровой детокс. Никаких светящихся экранов, никаких новостей из внешнего мира, никаких

рабочих чатов. Это может спровоцировать скачок внутричерепного давления и новые провалы в памяти.

– Но Марина... – я попыталась приподняться, но тело не слушалось, придавленное невидимой бетонной плитой препаратов.

– Я сам поговорил с Мариночкой час назад, – его голос обволакивал, убаюкивал, лишая воли к сопротивлению. – Она всё понимает. У нее сейчас сложный процесс в арбитраже, я сказал ей, чтобы она не срывалась к нам посреди ночи и не тревожила тебя. Она приедет на выходных, когда ты немного окрепнешь. Доверься мне, родная. Тебе не о чем волноваться. Я твой щит.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб. Запах его парфюма – терпкий сандал и бергамот – ударил в ноздри, смешиваясь с химическим привкусом таблеток во рту. Я закрыла глаза, не в силах сопротивляться этому ядовитому туману. Моя связь с внешним миром, с родной дочерью, с моей профессией – всё это было аккуратно и безжалостно перерезано.

Ближе к ночи Александр помог мне перебраться в кровать в гостевой спальне. Комната находилась в дальнем крыле первого этажа и имела огромное панорамное окно с выходом на задний двор и деревянную террасу.

Муж заботливо укрыл меня тяжелым стеганым пледом, подоткнув края так, чтобы мне было тепло.

– Спи, моя хорошая. Завтра будет новый день, – тихо произнес он, выключая верхний свет. Оставил лишь тусклое свечение нижних диодов у плинтуса. – Я посижу на террасе. Выкурю сигару, выпью немного виски. Мне нужно наконец-то выдохнуть после этого кошмара, зная, что ты дома и в безопасности. Я оставлю стеклянную дверь приоткрытой, чтобы слышать каждый твой вздох.

Он вышел.

Я лежала в полумраке на удобном ортопедическом матрасе. Тело было абсолютно неподвижным, парализованным препаратами Фиалкова. Я не могла даже поднять руку, чтобы поправить прядь волос, упавшую на глаза. Но где-то глубоко внутри, под слоем медикаментозного льда, мой разум все еще отчаянно цеплялся за факты.

Я повернула голову на подушке. Боль в виске отозвалась глухим эхом. Сквозь высокое стекло я видела темный, статный силуэт своего мужа.

Александр стоял на деревянном настиле террасы, спиной ко мне. Холодный ветер трепал полы его расстегнутого пальто. В одной руке он держал стакан с янтарной жидкостью, в другой – свой телефон. Экран тускло освещал его профиль.

Я смотрела на него вязким, тяжелым взглядом и делала страшный, но абсолютно логичный вывод. Он уволил прислугу не ради моего покоя. Он забрал мой телефон не ради моего давления. Он отговорил дочь от приезда не ради ее удобства. Он методично, шаг за шагом, отрезал меня от реальности.

Он превратил наш дом в изолированный, стерильный бункер. Но он сделал это не для того, чтобы уберечь меня от стресса. Он выстроил эти стены, чтобы уберечь себя. Уберечь свои тайны от того неминуемого момента, когда трещины в моей памяти начнут срастаться.

Мои веки налились свинцом и начали неумолимо закрываться. Снотворное побеждало. Но прежде чем окончательно провалиться в темную, беззвучную яму искусственного сна, я дала себе одну-единственную жесткую установку. Завтра утром, когда он снова принесет мне эти проклятые капсулы, я должна найти способ их не проглотить. Мой фундамент был разрушен, но чтобы выбраться из-под завалов этого брака, мне нужна была моя голова. Кристально чистая, холодная голова.

Я позволю тебе думать, что я твоя послушная кукла, Саша. Ровно до тех пор, пока не научусь резать те ниточки, за которые ты дергаешь.

Глава 4. (Александр)

от лица Александра

Назойливая, ритмичная вибрация в правом кармане шерстяного пальто безнадежно испортила безупречный вкус односолодового виски. Я поморщился, чувствуя, как холодный октябрьский ветер с озера Хвойного берега забирается под воротник моей кашемировой водолазки, и нехотя достал смартфон. Яркий свет экрана резанул по глазам в полумраке деревянной террасы. Три новых сообщения подряд. И все от Евы.

«Сашуля, ты где? Я ненавижу спать одна».

«Меня опять тошнило утром. Ты же обещал, что мы будем вместе! Когда ты уже решишь вопрос со своей?»

«Я скучаю до одури. Приезжай хоть на час, умоляю!»

Я медленно затянулся кубинской сигарой, глядя на эти всплывающие прямоугольники текста, и почувствовал глухое, липкое раздражение. Никакой грации. Никакой выдержки. Ева была предсказуемой, шумной и до вульгарности требовательной, как дешевый игровой автомат, в который нужно постоянно бросать монеты внимания, чтобы он мигал яркими огнями. В ее коротких сообщениях не было ни заботы о моем состоянии, ни понимания того, по какому тонкому льду я сейчас иду. Только бесконечное, эгоистичное «дай».

Мой взгляд невольно скользнул сквозь приоткрытую стеклянную дверь вглубь гостевой спальни. В тусклом свете ночников я видел лицо Юлии. Она спала. Глубоким, тяжелым, химическим сном, который подарили ей препараты Володи Фиалкова. Ее черты, обычно такие напряженные, оценивающие и строгие, сейчас разгладились. Даже с этой марлевой повязкой на виске, в свои шестьдесят лет она выглядела породисто. Дорогая, сложная, архитектурно выверенная женщина.

Разница между моей женой и моей любовницей была колоссальной. Юлия – это готический собор, требующий благоговения, тишины и соответствия строгим правилам. Ева – это номер в придорожном мотеле с неоновой вывеской. В соборе красиво, но там холодно жить изо дня в день на протяжении тридцати пяти лет. А в дешевом мотеле можно просто расслабить галстук, бросить пиджак на пол и почувствовать себя всесильным мужчиной, не опасаясь оценивающего взгляда. Мне шестьдесят два года. Мое тело неумолимо стареет, суставы ноют на смену погоды, а кардиограмма уже не так идеальна. Ева с ее молодой, упругой плотью и щенячьим восторгом была моим личным, персональным эликсиром молодости. Я не собирался от нее отказываться, но и терпеть ее истерики прямо сейчас был не намерен.

Я смахнул уведомления с экрана, не удостоив любовницу ответом, и перевел телефон в беззвучный режим. Всему свое время.

Осторожно, стараясь не издать ни звука, я толкнул тяжелую стеклянную дверь. Я клялся Юле оставить ее приоткрытой, играя роль чуткого стража, но теперь, когда химия сделала свое дело, мне нужна была приватность. Дверь вошла в пазы с мягким щелчком, намертво отрезая гостевую спальню от шума проливного дождя и запаха прелой хвои. Мои итальянские туфли абсолютно бесшумно ступали по темному керамограниту коридора. Я шел сквозь свой пустой, вылизанный до стерильности дом и упивался парадоксальным, почти пьянящим чувством абсолютной власти.

Господи, как же близко я был к краю. Когда пару дней назад мне позвонил дежурный инспектор ДТП и сообщил, что кроссовер моей жены превратился в груды смятого металла на трассе, у меня на секунду остановилось сердце. Но не от горя. От липкого, животного ужаса.

Я ведь прекрасно знал, куда и зачем она гнала машину в тот ливень. Моя умная, наблюдательная Юленька, привыкшая по роду своей прошлой профессии реставратора замечать каждую микроскопическую трещину на фасаде. Она что-то заподозрила. Я видел, как она смотрит на мои рубашки, как замирает, когда я беру в руки телефон. Я был уверен, что в той машине лежал компромат. Я мчался на место аварии и мысленно прощался со своей империей, с репутацией гениального врача, со всем своим комфортным, выстроенным миром. Я готовился к унижительному бракоразводному процессу, где мне пришлось бы делить каждую копейку.

Но судьба преподнесла мне поистине королевский подарок.

Ретроградная амнезия. Когда Володя Фиалков вышел из палаты реанимации и сказал, что Юлия не помнит ни единого дня из последнего месяца своей жизни, мне захотелось рассмеяться в голос от облегчения. Ее мозг просто нажал кнопку полного удаления данных. Вся ее подозрительность, все ее возможные открытия, вся грязь – все это стерлось, оставив передо мной чистый, девственный лист. И теперь только я решал, что именно на этом листе будет написано.

Я вошел в свой личный кабинет. Это была моя крепость внутри стеклянного дома. Панели из мореного дуба, тяжелые бархатные шторы, поглощающие любые звуки, массивный стол из цельного куска ореха. Я включил только локальный свет – зеленую лампу банкира на столешнице – и опустился в глубокое кожаное кресло.

Поставив стакан с остатками виски на кожаный бювар, я потянулся к стационарному телефону. Никаких звонков по мобильному в таких делах. Я набрал заученный номер.

Гудки шли долго. Наконец, на том конце провода раздался сиплый, сонный голос.

– Да, Александр Викторович... – Фиалков явно спал, но мой звонок заставил его мгновенно протрезветь.

– Не разбудил, Володя? – мой голос звучал мягко, бархатно, но в этой мягкости была спрятана стальная струна. – Как твой вечер? Не тянет перекинуться в карточки?

Я услышал, как на другом конце линии Фиалков судорожно сглотнул. Моя ирония достигла цели.

– Я дома, Саша. Никаких игр. Ты же знаешь, я завязал, – торопливо пробормотал он. Его голос заметно дрожал.

– Очень на это надеюсь, друг мой. Иначе мне придется дать ход результатам того скрытого аудита. Тринадцать миллионов рублей, Володя. Выведенных через фиктивные закупки расходников для томографов прямо на счета подпольных казино, – я откинулся на спинку кресла, наслаждаясь его страхом. Власть над людьми всегда возбуждала меня сильнее любых женщин. – От пятнадцати лет колонии с конфискацией тебя отделяет только моя добрая воля. Меня сейчас интересует другое. Красные и синие капсулы. Ты уверен в дозировке? Она не овощ, Володя. Она задает вопросы. У нее слишком осмысленный взгляд.

Фиалков шумно выдохнул прямо в трубку.

– Саша, я дал максимальную дозу, допустимую для ее возраста и веса при амбулаторном лечении. Синие капсулы – это транквилизатор нового поколения. Он не просто успокаивает, он подавляет когнитивное сопротивление. Красные – ноотропы, но в связке с седативным они работают как пластилин. Ее мозг сейчас вязкий. Она может ходить, говорить, даже улыбаться, но ее воля парализована. Главное – следить, чтобы она принимала их строго по часам. Никаких пропусков. Если уровень препарата в крови упадет, могут начаться спонтанные флешбэки. Память – хитрая штука, она может прорваться через любой химический барьер.

– Значит, позаботься о том, чтобы барьер был бетонным, – холодно отрезал я. – Что с ее медицинской картой в клинике?

– Все сделано, как ты просил. Задним числом. В системе зафиксирован диагноз: острый посттравматический синдром, осложненный паранойей и бредовыми состояниями на фоне черепно-мозговой травмы. Если она кому-то и пожалуется на тебя, любой независимый экс-

перт посмотрит в нашу выписку и увидит слова классической сумасшедшей. Ты полностью прикрыт, Саша. Ты – святой человек, выхаживающий больную жену.

– Вот и славно, Володя. Отдыхай. И помни: мы с тобой в одной лодке. Если эта лодка даст течь, я позабочусь о том, чтобы ты пошел на дно первым.

Я бросил трубку на рычаг, не дожидаясь ответа. Фиалков был трусом, жалким, потеющим от страха человеком, но именно такие люди – самые надежные исполнители, если держать их за горло достаточно крепко.

В кабинете повисла плотная, звенящая тишина. Ее нарушало лишь мерное, гипнотическое тиканье моих коллекционных напольных часов работы французского мастера девятнадцатого века. Я любил антикварные механизмы. В них не было эмоций. Только чистая физика, шестеренки и маятники, подчиняющиеся строгим законам логики. Если ты знаешь, как устроены часы, ты всегда контролируешь время.

Я выдвинул нижний ящик стола, приложил большой палец к биометрическому сканеру встроенного сейфа. Тяжелая металлическая дверца бесшумно отъехала в сторону. Внутри, рядом с пачками наличных евро, лежала плотная картонная папка.

Я достал ее, положил на стол и открыл. Свет зеленой лампы упал на идеально отпечатанные листы. «Генеральная доверенность на управление имуществом и долями в уставном капитале».

Мои юристы поработали на славу. Документ был составлен так хитро, что комар носа не подточит. Как только Юлия поставит здесь свою размашистую подпись, я получу полное, безоговорочное право распоряжаться всеми активами клиники «Авиценна».

Эта клиника была моим проклятием и моим триумфом одновременно. Тридцать лет назад, когда я был просто талантливым, но нищим хирургом, именно отец Юлии – жесткий, авторитарный строительный магнат – дал мне деньги на первый медицинский центр. Он никогда не любил меня. Он смотрел на меня как на обслуживающий персонал, который чудом затесался в его элитную семью. Он дал деньги, но оформил контрольный пакет акций на свою ненаглядную дочь. Все эти годы я пахал как проклятый. Я создал бренд. Я переманивал лучших врачей. Я улыбался нужным чиновникам на полях для гольфа. Я сделал «Авиценну» лучшей частной клиникой в регионе. Это было мое детище. Моя кровь и мой пот.

Но юридически я оставался лишь наемным директором при богатой жене. При разводе по моей вине Юлия, подстрекаемая нашей прагматичной дочерью Мариной, просто вышвырнула бы меня на улицу с жалкими отступными. Я не мог этого допустить. Я не для того терпел снисходительные взгляды ее покойного отца, чтобы на старости лет остаться ни с чем из-за интрижки с молоденькой интерншей.

Я взял в руки тяжелую перьевую ручку Montblanc и покрутил ее в пальцах.

Оставалось самое сложное – заставить Юлию подписать эти листы так, чтобы у нотариуса не возникло вопросов. Для этого мне нужно было создать безупречное алиби. Мне нужно было убедить наше элитное общество в Хвойном береге, что моя жена медленно, но верно теряет рассудок после аварии.

Мой взгляд упал на перекидной кожаный календарь. Завтра вечером Светлана Брошкина, наша невыносимо болтливая соседка, владелица цветочного бутика, устраивает званый ужин. Она назвала это «Праздником в честь чудесного спасения Юлечки». Сначала я хотел категорически отказаться, сославшись на слабость жены.

Но теперь, глядя на бумаги из сейфа, я понял, что этот ужин – идеальная сцена для моего спектакля.

Я выведу Юлию к гостям. Накачанную транквилизаторами Фиалкова, заторможенную, смотрящую в одну точку стеклянными глазами. Я буду нежно держать ее за руку, поправлять плед на ее плечах и с грустной, мученической улыбкой принимать соболезнования соседей. Светлана с ее длинным языком уже к утру разнесет по всему поселку новость о том, что жена

Александра Чернова превратилась в жалкую тень самой себя. Общественное мнение будет подготовлено. Никто не удивится, когда через пару недель я, как любящий муж, отправлю супругу на длительное лечение в закрытый частный санаторий в Карелии, предварительно взяв на себя бремя управления ее бизнесом.

Это был идеальный, математически выверенный план. В нем не было ни единого изъяна.

Я аккуратно закрыл папку с документами, убрал ее обратно в холодное нутро сейфа и запер замок. Допил остывший, отдающий торфяным дымом виски.

В доме было тихо. Только дождь монотонно хлестал по панорамным окнам кабинета, словно пытался пробиться внутрь моего идеального убежища. Я посмотрел на свои руки. Сухие, крепкие пальцы хирурга, не знающие дрожи. Я всё контролировал. Свою молодую любовницу, своего трусливого главврача, свою покалеченную жену и свое блестящее будущее.

Никакая случайность не могла разрушить фундамент, который я так тщательно заливал бетоном собственной лжи.

Глава 5.

Ничто так не выдает искусственность происходящего, как идеально отрепетированный звон чужого хрусталя в твоём собственном доме. Я сидела на краю жесткого ортопедического матраса в гостевой спальне первого этажа и вслушивалась в звуки, доносящиеся из холла. Поскольку нашу домработницу Марию предусмотрительно отправили в оплачиваемый отпуск, Александр нанял ресторанную службу кейтеринга. Чужие, невидимые мне люди в накрахмаленной униформе прямо сейчас деловито расставляли тарелки в гостиной. По дому плыл тяжеловатый, изысканный аромат трюфельного масла, смешанный с запахом запеченной белой рыбы и розмарина. Мой муж всегда отличался виртуозным умением возводить безупречные фасады, и этот званый ужин в честь моего «чудесного спасения» не стал исключением.

На мне был свободный брючный костюм из плотного, струящегося шелка глубокого изумрудного оттенка. Саша сам принес его из моей гардеробной на втором этаже около часа назад. Ткань приятно холодила разгоряченную кожу и, что самое главное, не перетягивала грудную клетку. Каждое, даже самое осторожное движение, каждый глубокий вдох по-прежнему отдавались тупой, ноющей болью в ушибленных ребрах. Человеческое тело не умеет исцеляться по щелчку пальцев, как бы эстетично это ни выглядело в старых фильмах.

Дверь приоткрылась без стука. Муж вошел бесшумно, неся в руках граненый стакан с водой и две капсулы – красную и синюю.

– Пора, Юленька, – его голос обволакивал густой патокой, в которой при желании можно было легко захлебнуться.

Он встал надо мной, высокий, заботливый и абсолютно непреклонный. У меня не было ни единого шанса спрятать лекарство – он внимательно смотрел прямо на мои губы, ожидая покорности. Я взяла гладкие пластиковые оболочки, положила их на пересохший язык и сделала несколько больших глотков воды. Саша дождался, пока я проглочу таблетки, назначенные его верным другом Фиалковым, забрал стакан и только после этого аккуратно застегнул на моей шее тонкое платиновое кольцо. Я смотрела прямо перед собой, физически ощущая, как этот нежный, интимный жест превращается в методичное защелкивание красивого, дорогого ошейника на шее породистой собаки.

Химия начала действовать пугающе быстро. Она вливалась в кровь тяжелым свинцом, превращая мои острые, колющие мысли в медленный, покорный кисель, сглаживая углы тревоги и заменяя их непробиваемой, липкой апатией.

– Обопрись на меня, родная. Не спеши, – он повел меня по длинному, выложенному светлым керамогранитом коридору в сторону гостиной.

Его большая горячая рука плотно легла на мою талию. Со стороны для любого случайного наблюдателя это выглядело бы как абсолютный эталон поведения трепетного супруга, оберегающего слабую, травмированную жену. Но мое тело, соматически помнящее тот первобытный ужас, который стерся из поврежденного мозга, воспринимало эту хватку исключительно как конвоирование. Мне стоило огромных усилий не задерживать дыхание.

Просторная гостиная встретила нас слепящим, почти хирургическим светом дизайнерских многоуровневых люстр. Огромные панорамные окна от пола до потолка, которые днем впускали в дом величественный вид на вековые сосны Хвойного берега, теперь превратились в глухие, непроницаемые черные зеркала. За стеклом агрессивно бушевал холодный, методичный осенний ливень. Эта глухая тьма снаружи и переизбыток света внутри создавали стопроцентный эффект запертого, сверкающего террариума. Мы находились внутри стеклянной колбы. И выхода отсюда не было.

– Юлечка! Какое чудо! – разрезал пространство нарочито восторженный, высокий женский голос.

Светлана Брошкина, наша соседка и владелица элитного цветочного бутика, устремилась ко мне, обдавая на ходу удушливым шлейфом тяжелого парфюма с доминирующими нотами туберозы. На ней было слишком много золота для домашнего ужина, а на лице играла сложная маска благочестивой скорби, смешанной с нервной радостью. Она не стала меня обнимать, картинно боясь повредить мои переломанные кости, но крепко схватила за холодные пальцы.

А затем она сделала то, что заставило меня внутренне содрогнуться. Светлана отвернулась от меня, перевела полный щенячьего обожания взгляд на моего мужа и заговорила обо мне в третьем лице. Прямо при мне.

– Сашенька, она такая бледненькая! Как же тебе, должно быть, невыносимо тяжело, бедный мой. Мы все так за вас молились, весь поселок на ушах стоял. Какое счастье, что ты у нее есть. На руках свою королеву вынес с того света!

Саша скромно, с поистине королевским достоинством опустил глаза и едва заметно, мученически вздохнул, погладив меня по предплечью. Я смотрела на них сквозь нарастающую медикаментозную пелену и чувствовала, как меня методично стирают ластиком. Вычеркивают как взрослую, мыслящую женщину, лишают права голоса, превращая в сломанный, но очень удобный реквизит при великом человеке.

Застолье тянулось для меня невыносимо долго. Изысканная еда от шеф-повара на моем языке ощущалась как пресная бумага – транквилизаторы напрочь убили работу вкусовых рецепторов. Гости – сливки нашего поселка, владельцы инвестиционных фондов и строительных компаний – ели, тихо звенели серебряными приборами, обсуждали котировки акций и бронирование швейцарских шале на предстоящие зимние каникулы. Я сидела во главе этого длинного стола как молчаливый, безупречно одетый идол. Ко мне практически не обращались с прямыми вопросами, словно боясь, что я рассыплюсь на куски от звука чужого голоса или, что еще хуже, ляпну что-нибудь неадекватное.

Ближе к десерту Александр поднялся со своего места. Разговоры за столом мгновенно стихли, сменившись почтительным, уважительным вниманием. Он поднял бокал с фильтрованной водой – в знак солидарности с моим медицинским режимом он благородно отказался от алкоголя этим вечером.

– Друзья, – его бархатный, глубокий баритон мягко отражался от стен, собирая на себя взгляды. – Последние, страшные недели научили меня самому главному. Жизнь невыносимо хрупка. Когда я приехал на трассу и увидел смятый металл ее машины... я понял, что моя империя, моя клиника, все мои финансовые достижения не стоят ровным счетом ничего, если в этом доме не будет биться сердце моей Юленьки.

Он театрально замолчал, давая публике прочувствовать драматизм момента, затем наклонился ко мне и бережно, бесконечно нежно поцеловал меня в висок, едва коснувшись губами края белого медицинского пластыря.

Мой желудок моментально свело тугой, болезненной судорогой отторжения. Мне стоило колоссальных усилий воли не отшатнуться, не вытереть кожу рукой. Я заставила себя сидеть абсолютно неподвижно, глядя в пустую фарфоровую тарелку.

Я обвела тяжелым взглядом лица гостей. Сытые, богатые, уверенные в себе люди. Светлана растроганно промокала уголки глаз тканевой салфеткой, мужчины солидно и понимающе кивали, восхищаясь выдержкой моего мужа.

Именно в эту секунду, несмотря на подавляющий мою волю транквилизатор, меня накрыло ледяное, кристально ясное озарение. Мой мозг, привыкший всю жизнь выстраивать сложные архитектурные чертежи, мгновенно проанализировал расстановку сил. Я наконец-то поняла истинную, дьявольскую гениальность плана Александра.

Социальная ловушка захлопнулась наглухо.

Я представила, что будет, если я прямо сейчас отодвину свой тяжелый стул, встану во весь рост и скажу им правду. Если я крикну: «Я боюсь своего мужа! Он враг, он изолировал меня от

внешнего мира, отобрал телефон и пичкает психотропными препаратами!» Что произойдет? Бросится ли кто-то меня спасать? Вызовут ли полицию?

Нет. Никто в этой сияющей комнате мне не поверит. Ни единый человек. Светлана в ужасе прижмет унизанные кольцами руки к груди. Инвесторы неловко отведут взгляды, пряча неловкость. А мой безупречный Саша не станет со мной спорить или кричать в ответ. Он просто печально, с бесконечной, всепрощающей болью в глазах вздохнет, обнимет меня за дрожащие плечи и тихо произнесет: «Простите ее. Доктор Фиалков предупреждал нас о бредовых состояниях и острой паранойе после тяжелой травмы головы».

И общество мгновенно, с глубоким облегчением примет эту версию. Они спишут меня в утиль, повесив удобный ярлык сумасшедшей жены, и отдадут окончательную победу благородному спасителю. Моя изоляция была абсолютной, выверенной до миллиметра.

Гул чужих голосов, фальшивые сочувствующие улыбки, слепящие блики света на окнах и мощная химия в крови довели меня до состояния крайнего физического истощения. Зашитая рана на виске начала ритмично пульсировать обжигающей болью. Воздуха в огромной комнате критически не хватало. Я использовала это реальное недомогание как предлог. Опершись обеими ладонями о прохладную столешницу, я медленно приподнялась.

Александр мгновенно оказался рядом, его длинные пальцы привычно и цепко сомкнулись на моем локте.

– Господа, прошу простить меня великодушно, – мягко извинился он перед присутствующими. – Моей птичке пора отдыхать. Врачи велели беречь нервную систему от переутомления.

– Мне не хватает воздуха, Саша, – я произнесла это тихо, но достаточно четко, чтобы слышали ближайшие соседи. – Проводи меня к зимнему саду, пожалуйста. Я хочу немного посидеть там, среди растений.

Я видела, как едва заметно, на неуловимую долю миллиметра, дернулась мышца на его правой скуле. Он ненавидел оранжерею. Ему претил запах мокрой земли, его раздражала излишняя влажность, якобы портящая полированный паркет в коридоре. Но при десятке внимательных свидетелей он отказать не мог.

– Конечно, родная. Как скажешь.

Мы снова прошли через светлый холл. Александр довел меня до массивных стеклянных створок, ведущих в просторную пристройку зимнего сада. Он открыл их передо мной и, удивившись, что я сделала шаг внутрь, поспешил вернуться обратно к своим благодарным слушателям, бросив напоследок дежурное: «Я заберу тебя в спальню через десять минут».

Тяжелая створка на роликах мягко задвинулась за моей спиной, герметично закрывая проем.

Гул голосов Брошкиной, фоновый джаз и звон дорогой посуды мгновенно отрезало, словно по периметру комнаты опустили тяжелый звуконепроницаемый купол. Здесь, внутри моего личного оазиса, пахло настоящей, осязаемой жизнью: влажным торфом, мокрой древесной корой и терпкими, мясистыми листьями раскидистых папоротников. Зеленоватый, приглушенный полумрак от встроенной в пол локальной подсветки моментально успокоил мои саднящие от слепящих люстр глаза.

Я прошла вглубь оранжереи, осторожно переступая по сланцевым плиткам, и прислонилась пылающим, покрытым испариной лбом к холодному стеклу, отделяющему сад от бушующего на улице ливня. Препараты тянули меня на темное дно, убаюкивали, нашептывали расслабиться, сдаться и просто плыть по течению чужой, сильной воли. Но стоя здесь, в спасительной влажной тишине, прислушиваясь к монотонному шелесту листьев огромного фикуса, я смогла вычленивать из хаоса одну-единственную, острую, как хирургический скальпель, мысль.

Завтра утром, когда он снова принесет мне стакан с водой, я найду способ не проглотить эти таблетки. Мне жизненно необходим был мой разум. Чистый, злой и расчетливый. Потому что без него я никогда не выберусь из-под завалов этого идеального, стеклянного гроба.

Глава 6.

Зимний сад всегда казался моему мужу досадной архитектурной ошибкой нашего дома. Александр, человек выверенных пропорций и стерильных медицинских стандартов, терпеть не мог непредсказуемость живой природы. Его раздражала излишняя влажность, от которой якобы мог деформироваться дорогой паркет в смежном коридоре, ему претила сама необходимость ухаживать за чем-то, что нельзя было просто подчинить строгому расписанию, систематизировать или стереть антибактериальной салфеткой с полированного керамогранита.

Тяжелая стеклянная створка на роликах мягко скользнула по направляющим и герметично задвинулась за моей спиной, плавно войдя в металлические пазы. Гул чужих голосов, фальшивые, липкие охи нашей соседки Брошкиной, звон тяжелых серебряных приборов и убаюкивающий фоновый джаз мгновенно исчезли. Их отрезало, словно по периметру комнаты опустили толстый звуконепроницаемый купол.

Я оказалась внутри зеленоватого, приглушенного полумрака, где пахло совершенно иначе. Здесь не было удушливого трюфельного масла от ресторанного кейтеринга или тяжелых, претенциозных цветочных парфюмов, которыми сейчас была насквозь пропитана сияющая гостиная. Здесь пахло настоящей, осязаемой, честной жизнью: влажным торфом, мокрой древесной корой и терпкими, мясистыми листьями раскидистых папоротников.

Я тяжело прислонилась пылающим, покрытым холодной испариной лбом к панорамному окну. По ту сторону невидимой преграды агрессивно, методично хлестал октябрьский ливень. Темнота улицы, прорезанная лишь редкими желтыми вспышками света от фонарей нашего элитного поселка, казалась мне сейчас куда более безопасной, чем слепящий хирургический свет многоуровневых дизайнерских люстр внутри дома.

Химия, которую час назад заботливо влил в меня доктор Фиалков под бдительным, всепрощающим взглядом мужа, начала действовать в полную силу. Транквилизаторы нового поколения неумолимо тянули меня на темное, вязкое дно, заставляя мысли ворочаться медленно и неповоротливо. Ноги стали ватными, абсолютно непослушными. Изумрудный шелк моего свободного брючного костюма, который еще недавно приятно охлаждал разгоряченную кожу, теперь казался тяжелым, ледяным панцирем, сковывающим движения. Каждое, даже самое неглубокое дыхание отдавалось тупой, пульсирующей болью в ушибленных о руль ребрах. Но парадоксальным образом эта физическая боль сейчас была моим единственным союзником – она колола изнутри, не давая мне окончательно раствориться в медикаментозном киселе покорности. Мне жизненно необходимо было сесть, иначе я рисковала просто рухнуть в обморок на шероховатые сланцевые плитки пола.

Бережно придерживая больную грудную клетку рукой, я медленно, шаг за шагом, побрела в дальний угол оранжереи. Там, надежно скрытый за широкими, резными листьями огромной монстеры, стоял мой небольшой рабочий стол из массива дуба. Это была моя личная, сугубо приватная территория, куда мой лохотный муж никогда не заходил.

Я опустилась на высокий деревянный табурет и с судорожным облегчением выдохнула. Перед глазами на столешнице лежал привычный, застывший во времени хаос реставратора: тонкие колонковые кисти, баночки с прозрачным лаком, пинцеты и деревянные стеки. Никто не прикасался к этим вещам с момента моей аварии. Я посмотрела на центр стола. Там, на небольшой подставке, возвышалась тяжелая, темно-коричневая керамическая ваза. До того как моя память провалилась в черную дыру ретроградной амнезии, я восстанавливала ее в японской технике кинцуги.

Ваза когда-то была разбита вдребезги. Философия этого древнего искусства заключается не в том, чтобы стыдливо скрыть нанесенный ущерб, а в том, чтобы подчеркнуть его, превратив шрамы в самое ценное, что есть у предмета. Я скрепила осколки специальным раститель-

ным лаком уруси, щедро смешанным с настоящим золотым порошком. Процесс этот требует колоссального терпения – слои сохнут неделями. Александр же, напротив, всю жизнь стремился лишь прятать любые жизненные трещины под толстым, непробиваемым слоем идеальной глянцевой штукатурки, требуя мгновенного, безупречного результата.

Мой мозг был девственно чист. Я не помнила ни единого дня из последнего месяца. Но соматическая память, память моего тела и моих мышц, никуда не исчезла. Я механически протянула руку и начала медленно вести подушечками пальцев по выпуклым золотым рубцам на керамике. Мои пальцы узнавали каждый изгиб, каждую выемку, которую сами же когда-то методично и с любовью заполнили драгоценным составом.

В этом таилась горькая, почти пугающая ирония. Александр, пока я лежала в реанимации без сознания, методично и безжалостно зачистил всё мое личное пространство. Он забрал мой разбитый телефон, отрезал меня от внешнего мира, скупил новые гаджеты без истории, отвалил нашу родную дочь от частых визитов под лицемерным предлогом заботы о моем давлении. Он искусно выстроил вокруг меня стерильный стеклянный бункер. Но его непомерное эго, его высокомерное, брезгливое отношение к моему увлечению, которое он снисходительно называл «грязным копанием в черепках», сыграло с ним злую шутку.

Он просто побрезговал тщательно обыскивать мой стол в оранжерее. Более того, нашей прислуге всегда строжайшим образом запрещалось даже стирать пыль с моих хрупких реставрационных работ – Саша сам отдал этот приказ много лет назад, чтобы Мария случайно не испортила «игрушки хозяйки». Эта склеенная ваза была единственной абсолютной слепой зоной в его тотальной, параноидальной системе контроля.

Мои пальцы скользнули по широкому горлышку вазы. Там, на внутренней неглазурованной стороне, куда физически не доставал тусклый зеленоватый свет от нижних диодов, я вдруг нащупала странную, неестественную шероховатость. Моторика реставратора, привыкшего к оценке идеальных поверхностей, мгновенно зафиксировала чужеродный элемент.

Я замерла. Дыхание на секунду перехватило, болезненно отдавшись спазмом в сломанных ребрах. Осторожно, боясь резким движением повредить хрупкую керамику, я опустила руку чуть глубже и подцепила короткими ногтями то, что там скрывалось. Это был небольшой, плотный и чуть изогнутый кусок картона, который кто-то очень торопливо втиснул между стенкой вазы и комком сухой земли.

Я вытащила предмет на свет, страхнула с него крупинки торфа и положила на раскрытую ладонь.

Это была визитная карточка. Черный матовый картон с серебряным тиснением. Строгий рубленый шрифт гласил: «Детективное агентство "Истина". Конфиденциальный сыск. Наблюдение. Полная анонимность».

Сердце в груди споткнулось и начало набирать пугающий, рваный ритм. Я медленно перевернула карточку. На белой, неламинированной изнанке был написан короткий текст. Это был мой собственный почерк. Твердый, летящий, с характерным для архитекторов ровным наклоном букв, который невозможно ни с чем спутать. Всего три слова, написанные черной гелевой ручкой.

«Снимки из мотеля».

В эту секунду никакого кинематографического надрыва не произошло. В плохих романах женщины в такие моменты начинают истерично рыдать, хватаются за голову, бьют ценную посуду или бессильно сползают по стеночке. Со мной произошло нечто совершенно иное.

Мощнейший, первобытный выброс адреналина мгновенно, словно удар тока, пробил густую химическую пелену синих капсул. Зрачки расширились, удушливый туман в голове рассеялся, оставив после себя ледяную, обжигающую ясность. Мой разум, годами тренированный выстраивать сложные пространственные чертежи и анализировать усталость несущих

конструкций, щелкнул невидимым тумблером и собрал все разрозненные факты в единую, пугающую логическую цепь.

Тот животный, доводящий до тошноты страх, который сводил мои мышцы судорогой каждый раз, когда Александр нежно прикоснулся ко мне в больнице – это не было паранойей. Это не было посттравматическим бредом или последствием ушиба мозга, как ласково внушал мне Фиалков.

Это был чистый инстинкт самосохранения. Мое тело не лгало.

Я знала. До аварии я всё прекрасно знала о его предательстве. Я сама наняла этого детектива. Я вела собственное расследование и, судя по всему, получила прямые, грязные доказательства его измены. Именно поэтому в тот дождливый октябрьский день я гнала машину по мокрой трассе с такой сумасшедшей скоростью, не разбирая дороги. И именно поэтому мой муж так отчаянно, так виртуозно изолировал меня от реальности сразу после моего пробуждения. Он до смерти испугался, что я всё помню. Он не мой благородный спаситель. Он мой тюремщик, методично заливающий бетоном мою память, чтобы спасти свой фасад, свою безупречную репутацию и свои деньги, выкачанные из моей клиники.

Я сидела на табурете, не отрывая взгляда от маленькой картонки, и чувствовала, как внутри меня медленно, со скрипом выпрямляется стальная пружина. Мой фундамент был стерт в порошок, амнезия забрала лица и детали, но теперь у меня в руках был первый, осязаемый, неопровержимый факт.

Сквозь густые заросли папоротника я уловила плавное движение. По ту сторону звуконепроницаемого стекла, в залитом светом холле, появился высокий, безупречно одетый силуэт. Александр. Он мягко, с извиняющейся улыбкой кивнул кому-то из невидимых мне инвесторов и направился прямо к створкам оранжереи. Он шел за мной.

Времени на эмоции категорически не было. Мой мозг работал как идеальный швейцарский механизм. В широких струящихся брюках не было карманов. Оставлять визитку обратно в вазе было слишком рискованно – теперь, когда я ее достала и сдвинула землю, белый край мог стать заметен на фоне темной керамики, если он вдруг решит сюда заглянуть.

Я быстро, жестким движением сложила плотный картон пополам. Расстегнув верхнюю пуговицу изумрудного шелкового жакета, я просунула руку под прохладную ткань и плотно засунула сложенную визитку глубоко под широкий, тугой пояс брюк, намертво прижав ее к голой коже на бедре.

Я едва успела положить дрожащие руки на колени и расслабить мышцы лица ровно за секунду до того, как массивная стеклянная дверь мягко отъехала в сторону.

Воздух оранжереи мгновенно отравился терпким шлейфом дорогого мужского парфюма. Александр шагнул внутрь. Его благородное, покрытое легким загаром лицо выражало абсолютный эталон всепрощающей супружеской заботы.

– Десять минут прошли, моя птичка, – его бархатный баритон обволакивал патокой, в которой предполагалось добровольно и безропотно утонуть. – Тебе пора в постель. Посмотри на себя, ты совсем бледная. Володя был прав, твоя нервная система еще слишком истощена для подобных светских приемов.

Я посмотрела на него снизу вверх. Какая потрясающая, монументальная маска. Если бы не находка в керамической вазе, я бы снова, как полчаса назад, безоговорочно поверила в этот глубокий, полный страдания взгляд. Но теперь между нами пролегла невидимая, выжженная полоса отчуждения. Я больше не сомневалась в собственной адекватности.

Я не стала отстраняться. Напротив, я медленно поднялась с табурета, позволив себе слегка, картинно покачнуться, чтобы оправдать лошадиную дозу транквилизаторов. Александр мгновенно оказался рядом, его длинные, крепкие пальцы хирурга привычно и цепко сомкнулись на моей талии.

– Обопрись на меня, родная. Вот так. Не спеши, – проворковал он прямо мне в ухо.

Мы снова вышли в слепящий свет гостиной. Гул разговоров моментально стих. Сытые, уверенные в себе гости смотрели на нас с почтительным трепетом, искренне восхищаясь тем, как великий доктор Чернов бережно несет свой крест, поддерживая больную, теряющую рассудок жену. Я покорно переставляла непослушные ноги по холодному керамограниту, безвольно опустив голову и безупречно отыгрывая роль сломанной куклы, которую он для меня написал.

Но внутри я больше не спала. Под холодным изумрудным шелком костюма, плотно прижатый поясом к бедру, острый край сложенной детективной картонки больно и отрезвляюще впивался мне в кожу при каждом шаге. Я физически концентрировалась на этой маленькой, жалящей боли, и она делала меня непобедимой. Это был мой единственный, надежно спрятанный якорь в его стеклянном море идеальной лжи. Якорь, за который я буду держаться изо всех сил, чтобы вырвать с корнем всё, что он построил.

Глава 7.

Любая фальшивка, даже самая искусная, рано или поздно выдает себя несоответствием материалов. Дерево дышит иначе, чем пластик, а дешевая позолота всегда окисляется на сгибах, оставляя уродливые зеленоватые пятна. Я годами учила своих студентов-архитекторов замечать эти мелкие, предательские детали на исторических фасадах. Удивительно, как долго я отказывалась применять этот же самый профессиональный навык к собственной жизни. Мой брак казался мне нерушимым монолитом, но теперь я понимала, что он давно превратился в дешевую гипсовую подделку, искусно раскрашенную под благородный мрамор.

Я сидела на краю кровати в гостевой спальне, осторожно придерживая рукой ноющие ребра. Под тугой резинкой моих пижамных брюк все еще лежал спрятанный кусок плотного черного картона. Вчера вечером, когда после званого ужина муж с лицемерной заботой помогал мне снять парадный изумрудный костюм, мне чудом удалось вытащить визитку детектива и зажать ее в кулаке. Я сделала вид, что комкаю влажную салфетку для снятия макияжа. А оказавшись в постели, незаметно переложила спасительную картонку ближе к телу.

Она жгла кожу холодом, не давая мне провалиться обратно в губительную медикаментозную кому. Но держать ее на себе дальше было слишком рискованно.

Я медленно наклонилась к книжному стеллажу, преодолевая острый, режущий спазм в грудной клетке. Дышать приходилось мелко, поверхностно, каждый глубокий вдох отдавался внутри тупым ударом. Мой взгляд скользнул по ровным рядам корешков. Мой лощеный муж брезговал моей прошлой профессией. В его стерильном, выверенном мире медицины и больших денег мое увлечение исторической пылью, глиной и полимерами казалось неэстетичной блажью стареющей женщины. Он никогда не притрагивался к моим рабочим полкам.

Я вытянула тяжелый, массивный справочник «Полимерные мастики в архитектурной реставрации» с самой нижней, темной полки. Раскрыв его где-то посередине, я аккуратно вложила черную визитку между скучных страниц с таблицами плотности материалов. Книга с глухим стуком вернулась на место. Идеальный, абсолютно слепой для моего надзирателя тайник.

В коридоре слышались легкие, размеренные шаги. Я едва успела выпрямиться, расправить складки пижамы и натянуть на лицо маску апатичной, потерянной слабости, когда дверь бесшумно открылась.

– Доброе утро, моя птичка, – бархатный, глубокий баритон Александра заполнил комнату, обволакивая пространство сладкой патокой.

Он вошел, неся небольшой поднос из темного дерева. Идеально нарезанные ломтики груши, легкая овсянка и стакан фильтрованной воды. Все выверено, красиво, безупречно. Мой муж никогда не был бытовым инвалидом. Напротив, он обожал этот процесс домашней сервировки, потому что он давал ему абсолютный, непререкаемый контроль над тем, что и как я потребляю. Рядом со стаканом, на белоснежной салфетке, уже лежали они. Знакомые красная и синяя капсулы.

– Володя Фиалков звонил утром, интересовался твоим самочувствием, – Александр поставил поднос на прикроватную тумбочку и присел рядом со мной. – Сказал, чтобы мы ни в коем случае не пропускали прием. Вчерашний прием гостей наверняка утомил твою нервную систему. Выпей лекарство, Юленька, а потом позавтракай.

Мой внутренний архитектор ледяным взглядом оценил расстановку сил. Если я сейчас откажусь глотать эти пилюли, он мгновенно все поймет. Любое мое сопротивление будет расценено как обострение паранойи. Если я устрою сцену, он вызовет своего карманного невролога Фиалкова, тот сделает мне укол, оправдав это посттравматическим психозом, и Александр с грустью подпишет любые бумаги на мое принудительное лечение.

Я покорно, чуть дрожащей рукой протянула пальцы и взяла таблетки. Александр сидел совсем рядом, внимательно, с заботливой улыбкой хищника наблюдая за моими губами. Я положила гладкие капсулы в рот, но не на язык, а сдвинула их вбок, глубоко под нижнюю десну. Затем взяла поданный мужем стакан с водой, сделала большой глоток, осторожно пропуская ледяную жидкость поверх спрятанного яда, и запрокинула голову. Глотательное движение вышло абсолютно натуральным.

– Умница, – Александр удовлетворенно забрал пустой стакан. – Я поеду в клинику. Там накопилось много дел. Отдыхай, родная. Я распорядился, чтобы доставка продуктов была бесконтактной, никто не потревожит твой покой.

Он поцеловал меня в лоб и вышел, плотно прикрыв за собой тяжелую дверь. Щелкнул магнитный замок.

Желатиновая оболочка под десной начала стремительно таять от слюны. Рот мгновенно заполнился тошнотворной, едкой химической горечью. Желудок свело болезненным спазмом, рвотный рефлекс жестко ударил в горло. Я зажала рот ладонью и, с трудом переставляя внезапно ставшие ватными ноги, двинулась по коридору к смежной стеклянной створке, ведущей в оранжерею.

Я ввалилась в зеленоватый, влажный полумрак зимнего сада. Опустившись на колени перед огромной напольной кадкой с фикусом, я сплюнула начавшие расползаться капсулы и горькую слюну прямо на рыхлую землю. Быстро, механически сгребла сверху слой торфа пальцами, хороня эту отраву как можно глубже. Запах прелой, настоящей земли ударил в ноздри, перебивая аптечную, тошнотворную горечь. Это был запах реальности. Я вытерла губы рукавом пижамы, тяжело дыша, но чувствуя, как внутри меня медленно расправляется туго скрученная стальная пружина воли.

К середине дня, когда концентрация химии в моей крови начала неумолимо падать, пришла расплата.

Синдром отмены мощных транквилизаторов не выглядит кинематографично. Он бьет наотмашь, ломая физиологию. Я лежала на диване в просторной гостиной, одетая в свободный мягкий костюм, и физически ощущала, как нервная система бунтует против резкого лишения наркотика. Пульс частил так, словно я только что пробежала марафон. Кожу покрыл тонкий слой липкого, ледяного пота. Свет, беспрепятственно льющийся сквозь огромные панорамные окна, казался невыносимо резким, жестоко режущим зрачки. Мой поврежденный мозг буквально скрежетал, со скрипом освобождаясь от вязкого, покорного киселя, в котором его держали последние дни.

Но вместе с этой унижительной ломкой ко мне возвращалась кристальная, хирургическая ясность. Боль очищала разум. Я обвела тяжелым взглядом свою золотую, сияющую чистотой клетку. Мой муж всё великолепно предусмотрел. У меня не было связи. Домашний интернет запаролен, мой разбитый телефон утилизирован, а новый лежал где-то в его карманах. Я была изолирована от внешнего мира так же надежно, как беспомощный пациент закрытого психиатрического отделения.

Но он забыл самое главное. Я была реставратором. Я умела ждать. Восстановление сложнейших исторических объектов занимало годы кропотливой, невидимой глазу работы. Сбор доказательств его предательства займет меньше времени. Мне просто нужно было стать идеальной, удобной декорацией. Раствориться в интерьере этого дома. Заставить его поверить, что его план работает безукоризненно.

Вечер подкрался незаметно, раскрасив пространство гостиной в глубокие, серые, melancholic тона. За окном монотонно, убаюкивающе шумел осенний дождь.

В прихожей сухо и резко щелкнул электронный замок. Александр вернулся с работы. Я не сдвинулась с места, продолжая неподвижно лежать в глубоком кресле-реклайнере, безвольно

опустив руки на колени. Моя спина была абсолютно расслаблена, лицо не выражало ничего, кроме легкой, покорной полудремы.

Его твердые шаги приблизились. Муж наклонился надо мной, опираясь крепкими руками о подлокотники кресла, перекрывая мне пути к отступлению.

– Как прошел твой день, Юленька? – его голос был мягким, уверенным. Он заботливо прижался теплыми сухими губами к моей макушке.

И вот в эту самую секунду мои полностью очищенные, избавленные от химической блокады рецепторы сработали как сверхточный сканер. Воздух вокруг Александра всегда пах дорогой, выверенной мужской уверенностью – терпким сандалом и бергамотом. Он был предельно осторожен. Наверняка мыл руки и проверял одежду. Но сейчас, под этим тяжелым благородным шлейфом, в самую фактуру шерсти на воротнике его пиджака намертво въелся микроскопический, чужеродный след.

Приторно-сладкий, липкий, искусственный аромат клубничного вейпа. Тот самый дешевый запах, который я почувствовала сквозь щель двери в ординаторской. Запах молодой, дешевой синтетики. Запах Евы. Видимо, любовница все-таки устроила ему сегодня истерику в клинике, повиснув на шее.

Мое тело, которое еще пару дней назад сжималось от животного, необъяснимого ужаса при любом его приближении, теперь отреагировало совершенно иначе. Соматическая память взметнулась на долю секунды и мгновенно остыла, уступив место холодной, как жидкий азот, расчетливой ярости. Текст на спрятанной визитке не лгал. Мои инстинкты не лгали. Человек, стоящий надо мной, прямо сейчас играл роль скорбящего супруга, только что вернувшись из чужих объятий.

Я не отшатнулась. Напротив, я медленно, словно нехотя, приподняла голову и потерлась щекой о плотную ткань его рукава. Я посмотрела на мужа снизу вверх абсолютно пустым, послушным, стеклянным взглядом.

– Без тебя было так тихо, Саша. Я так скучала, – произнесла я слабым, заторможенным голосом, идеально копируя интонации женщины, окончательно потерявшей волю.

В темных глазах Александра мелькнуло глубокое, искреннее, хищное удовлетворение. Он погладил меня по щеке, уверенный в своей непоколебимой власти над моим разумом. Он думал, что запер меня в стеклянной колбе, чтобы спокойно наблюдать за моим медленным угасанием. Но он не учел одного очень простого закона физики: стекло всегда прозрачно с обеих сторон. И теперь я смотрела на него из своего уютного, темного укрытия, препарируя каждую его ложь.

Глава 8.

– Тебе совершенно незачем там присутствовать, Юленька. Это грязная, бюрократическая формальность, – голос Александра звучал мягко, но его длинные пальцы, небрежно лежащие на подлокотнике моего кресла, напряглись так, что побелели острые костяшки.

Я смотрела, как он методично поправляет идеальные, накрахмаленные манжеты своей темно-синей сорочки, и чувствовала кристальную, пугающую ясность. Синдром отмены тяжелых транквилизаторов, которые я вчера выплюнула в землю под фикусом, давал о себе знать легким тремором на кончиках пальцев и сухим, металлическим привкусом во рту. Но главное – мой мозг наконец-то избавился от вязкого киселя. Я видела мужа насквозь. Он панически не хотел, чтобы я выходила за пределы гостиной и контактировала с человеком из внешнего мира. Страховой эксперт, приехавший осмотреть мою разбитую машину, был для Александра непредсказуемой переменной в его выверенном, стерильном уравнении.

– Саша, машина оформлена на меня, – я намеренно сделала голос тихим, надломленным, идеально копируя интонации слабой, сломанной женщины, какой он желал меня видеть. – Вдруг им нужна моя личная подпись на акте осмотра? Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы с выплатами из-за моей забывчивости. Я просто постою рядом. Обещаю.

Мой муж оказался заложником собственного безупречного фасада. Великий доктор, благородный спаситель не мог просто рявкнуть на больную жену и запереть ее в комнате. Мускул на его скуле едва заметно дрогнул, но он выдавил из себя снисходительную улыбку.

– Хорошо, моя птичка. Но только на пять минут. Там сквозняк.

Путь до пристроенного к дому просторного гаража показался мне марафоном. Изумрудный шелк остался в шкафу, сегодня на мне были свободные, мягкие брюки и объемный кашемировый кардиган, под которым прятался жесткий медицинский корсет. Каждое движение отдавалось тупой, тянущей болью в ушибленных ребрах. Я дышала мелко, поверхностно, опираясь на локоть мужа. Его хватка была раздраженно-жесткой, конвоирующей.

Массивная противопожарная дверь с глухим щелчком отъехала в сторону, впуская нас в прохладное, залитое ярким люминесцентным светом помещение.

Мой внутренний реставратор мгновенно оценил открывшуюся картину. Гараж был похож на операционную – светло-серый эпоксидный наливной пол, идеальная пустота, инструменты, аккуратно спрятанные в закрытые системы хранения. И посреди этого архитектурного перфекционизма стоял уродливый, искореженный кусок металла. Мой кроссовер. Капот гармошкой ушел внутрь, левое крыло было разорвано, словно фольга, а лобовое стекло покрылось густой, непроницаемой белой паутиной трещин. В воздухе висел тяжелый, маслянистый запах разлитого антифриза, смешанный с ароматом прелой осенней хвои, намертво застрявшей в погнутой решетке радиатора.

У машины уже находился человек. Охрана элитного поселка пропустила его по распоряжению мужа.

Текстура этого человека категорически не вписывалась в глянцевый мир Александра. Он был массивным, основательным, с тяжелой линией плеч. На нем было простое, чуть влажное от октябрьской мороси темно-серое драповое пальто. Когда мы подошли ближе, я уловила его запах – терпкий дух мокрой шерсти, холодного уличного ветра и едва уловимого, жесткого табака. Это был запах грубой, не отфильтрованной реальности, который мгновенно перебил удушливый, благородный сандал моего мужа.

– Доброе утро. Николай Ломовой, страховой следователь, – мужчина не стал протягивать руку, просто коротко кивнул. Его взгляд из-под густых, с проседью бровей был тяжелым, цепким и абсолютно лишенным той заискивающей патоки, с которой на моего мужа смотрели все вокруг.

– Александр Чернов, – муж мгновенно включил свой бархатный, авторитетный баритон, слегка задвигая меня за спину, словно защищая от сквозняка. – Я уже излагал инспектору ГИБДД все обстоятельства. Жена возвращалась домой. Проливной дождь, плохая видимость. Из лесополосы на дорогу выскочил лось. Она резко выкрутила руль вправо, спасаясь от лобового столкновения, и машину вынесло на обочину, прямо в дерево. Обычная, трагическая случайность. Моя супруга до сих пор не оправилась от тяжелой черепно-мозговой травмы, у нее ретроградная амнезия, так что не думаю, что она сможет добавить что-то к моим словам.

Николай не перебил. Он молча сделал пометку в своем потертом планшете. Затем медленно, почти лениво обошел капот разбитой машины. Он сделал то, чего в этом доме не осмеливался делать никто: он физически обогнул Александра, встал прямо передо мной и обратился исключительно ко мне, полностью проигнорировав великого доктора Чернова.

– При всем уважении, Александр Викторович. За рулем были не вы. Здравствуйте, Юлия Николаевна.

Его голос был низким, с легкой, приятной хрипотцой. В нем не было ни капли жалости, только спокойный, профессиональный интерес.

– Здравствуйте, – эхом отозвалась я, крепче запахивая полы кардигана.

– Я осмотрел рулевую рейку, тормозные колодки и характер износа протектора на передних колесах, – Николай чуть наклонил голову, не отрывая от меня своего пристального взгляда. – Картина механических повреждений не сходится с показаниями в протоколе. Угол удара о сосну и деформация левого лонжерона говорят о другом.

В гараже повисла звенящая, холодная тишина. Я почувствовала, как пальцы Александра, все еще лежащие на моей талии, впились в ткань кофты с пугающей силой.

– Вы тормозили в пол на абсолютно прямой траектории, Юлия Николаевна, – продолжил Ломовой, указывая толстым пальцем на стертую резину. – Колеса вывернуло вправо уже потом, в самый момент потери сцепления с мокрым асфальтом, когда машину закрутило. Вы не уворачивались от животного. Вы вообще не пытались маневрировать. Вы пытались экстренно, панически остановить машину. Чего вы испугались на пустой трассе до того, как ударили по тормозам?

Мой внутренний фундамент содрогнулся. Ледяная волна осознания прокатилась по позвоночнику. Лось. Легенда о несчастном случае, которую муж так заботливо вкладывал в мою пустую голову с первого дня пробуждения в клинике. Это была ложь. Александр сфабриковал причину аварии, чтобы ни у кого, даже у полиции, не возникло мысли искать истинный мотив моего бегства. Он знал, что я мчалась по дороге не просто так. Он заметал следы.

– Послушайте, Ломовой, – маска идеального мужа дала трещину. Голос Александра приобрел металлический, злой оттенок. Он сделал шаг вперед, почти физически оттесняя следователя от меня. – Моя жена пережила клинический шок. Ваша псевдоэкспертиза и давление на больную женщину переходят все границы. Если вы пытаетесь найти повод отказать в страховой выплате, я прямо сейчас позвоню владельцу вашей компании. Мы с ним вместе играем в гольф. Вы поняли меня? Осмотр окончен.

– Я просто делаю свою работу, доктор, – ровно, без малейшего испуга ответил Николай. Он даже не шелохнулся под напором Александра.

Времени на раздумья не было. Если я сейчас покажу, что слова эксперта задела меня за живое, муж мгновенно закрутит гайки контроля так, что я больше никогда не увижу дневного света.

Я картинно ахнула, прижала дрожащие пальцы к медицинскому пластырю на виске и начала часто, поверхностно дышать.

– Саша... мне нехорошо, – прошептала я, позволяя коленям слегка подогнуться. – Темнота... дождь... я ничего не помню. Голова так кружится. Уведи меня отсюда, пожалуйста.

Александр мгновенно переключился. Одной рукой он крепко обхватил меня за плечи, а другой достал из кармана свой мобильный телефон, всем видом демонстрируя Николаю гневное презрение. Он отвернулся от страховщика всего на секунду, чтобы набрать номер охраны поселка.

И в эту самую, крошечную долю секунды, я выпрямила спину. Я подняла глаза на Николая Ломового. Из-под маски сломанной, полуобморочной жертвы на него посмотрел абсолютно трезвый, холодный и отчаянно осмысленный взгляд женщины, которая всё понимает. Я не моргала. Я просто смотрела на него, передавая безмолвное послание: "Не верь ему. Он лжет".

Бывший следователь убийного отдела не мог не заметить эту резкую, пугающую метаморфозу. Густые брови Николая едва заметно дрогнули. Он поймал мой взгляд, зафиксировал его и медленно, почти неуловимо кивнул.

– Охрана сейчас вас проводит, – рявкнул Александр, пряча телефон и снова поворачиваясь к нам. Мое лицо к тому моменту уже вернулось в состояние апатичной слабости.

Николай молча сунул руки в глубокие карманы своего влажного пальто.

– Выздоровливайте, Юлия Николаевна, – спокойно произнес он. Затем он достал из кармана простую белую визитку. Он не стал протягивать ее мне – знал, что муж не позволит. Николай положил картонку на помятый капот машины, прямо перед Александром. – Если память вдруг вернется – звоните. Страховая должна знать правду. Лично.

Александр брезгливо, двумя пальцами смахнул визитку с капота, пряча ее в карман своего пиджака, и буквально потащил меня к выходу. Замок тяжелой двери лязгнул, отсекая нас от сырости гаража и от этого странного, пронизательного человека.

– Я же просил тебя не ходить туда! – злобно прошипел муж, когда мы оказались в светлом коридоре дома. Он с силой растер переносицу. – Эти стервятники готовы придумать любую чушь, лишь бы не платить по счетам.

– Прости, Саша. Ты был прав, – я покорно опустила голову, позволяя ему довести меня до спальни.

Оказавшись одна за закрытой дверью, я медленно опустилась на край кровати. Физически я была измотана, ребра горели огнем после долгого стояния, но ментально я испытывала небывалый подъем. Мой стеклянный, запаянный аквариум, который Александр выстроил с таким дьявольским изяществом, дал первую настоящую трещину.

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Официальная легенда была уничтожена. Никакого лося. Я тормозила сама, в панике, спасаясь не от животного на дороге, а от того животного ужаса, который поселился в моем собственном браке. Значит, доказательства того, что именно я узнала перед аварией, всё еще существуют. Визитка детектива в оранжерее была лишь верхушкой айсберга.

Мой взгляд медленно скользнул сквозь полуоткрытую дверь спальни в глубину длинного коридора. Там, в самом конце, темнела тяжелая дубовая створка личного кабинета Александра. Это была его крепость, куда мне всегда был закрыт доступ под предлогом врачебной тайны.

Я сделала глубокий, осторожный вдох, игнорируя протест сломанных костей. Я больше не буду ждать, пока память соизволит вернуть мне утраченные фрагменты. Сегодня ночью, когда химия Фиалкова усыпит моего надзирателя, я пойду за ответами сама. Архитектор всегда начинает демонтаж гнилого здания с изучения его скрытых чертежей. И я намеревалась найти эти чертежи любой ценой.

Глава 9.

В дорогой архитектуре есть одно негласное, но очень жесткое правило: самые сложные, массивные замки обычно ставят не для того, чтобы уберечь дом от проникновения чужаков с улицы. Их ставят для того, чтобы те, кто находится внутри, никогда не смогли выйти.

Я стояла перед тяжелой дубовой створкой кабинета моего мужа. Ночная тьма длинного коридора первого этажа казалась вязкой, как холодный, густой кисель. Каждое неглубокое дыхание отдавалось тупой, скрежещущей болью под широкой свободной пижамой, там, где жесткий медицинский корсет безжалостно сдавливал ушибленные о руль ребра. Физическая слабость накатывала волнами, заставляя колени едва заметно дрожать, но я заставляла себя держаться на ногах. Мой разум, окончательно очистившийся от химического тумана проклятых синих капсул Фиалкова, диктовал свои суровые условия восстанавливающемуся телу.

На втором этаже, в нашей роскошной спальне с панорамными окнами на сосновый лес, мирно спал Александр. В тишине огромного особняка его ровное, спокойное дыхание было почти неразличимо, но я физически ощущала его незримое присутствие повсюду. Это был безмятежный сон человека, абсолютно уверенного в своей безнаказанности. Человека, который мастерски выстроил вокруг своей сломанной жены идеальный стеклянный бункер, отрезал все связи с внешним миром и сам же вручил себе ключи от всех выходов.

Я медленно потянулась к прохладной металлической ручке двери. Магнитный замок сдался сразу, издав лишь тихий, едва уловимый щелчок. Открыто. Нарциссическая самонадеянность, возведенная за годы успешной практики в абсолют, всегда была главной слабостью моего лощенного мужа. Он даже не подумал запереть свою личную цитадель на ночь, искренне веря, что я прямо сейчас безвольно лежу в гостевой спальне, парализованная лошадиной дозой его транквилизаторов. Зачем запирает дверь от покорной, ничего не помнящей тени, в которую он меня превратил?

Внутри кабинета пахло концентрированным, подавляющим чужую волю терпким сандалом и дорогой полимерной мастикой, которой натирали паркет. Я не стала включать свет, обоснованно опасаясь, что желтая полоска под дверью может привлечь ненужное внимание, если Александр вдруг решит спуститься на кухню за водой. Холодный октябрьский лунный свет пробивался сквозь узкую щель между плотно задернутыми тяжелыми бархатными шторами, разрезая пространство помещения бледной, призрачной полосой.

Мои босые ступни бесшумно ступали по толстому, поглощающему любые звуки ворсу бельгийского ковра. Я подошла к массивному рабочему столу из цельного куска мореного ореха и осторожно, как профессиональный реставратор, снимающий слои вековой пыли с ценной фрески, начала ощупывать поверхность. Идеальная, до тошноты выверенная стерильная пустота. Ни единой случайно разбросанной бумаги, ни одного раскрытого блокнота, ни единой криво лежащей ручки. Александр был слишком педантичен, слишком заиклен на тотальном контроле, чтобы оставлять на виду хоть что-то, что не вписывалось в его безупречный, глянцево-белый фасад великого врача.

Я тяжело, стараясь не тревожить скованную тугим корсетом грудную клетку, опустилась на колени. Левая рука привычно нащупала нижний ящик массивной тумбы. Пальцы скользнули по холодному, шероховатому металлу. Встроенный скрытый сейф. Тусклый, мерцающий в крошечной темноте зеленый глазок биометрического сканера смотрел на меня, словно откровенно насмехаясь. Отпечаток пальца.

Ловушка. Идеальная, наглухо закрытая технологичная система, которую мне, с моими нынешними ресурсами, ни за что не взломать. Я медленно, контролируя каждый мускул лица, выдохнула сквозь стиснутые зубы, принимая этот факт без киношных слез или картинного заламывания рук от разочарования. В конце концов, я пришла сюда за сухими ответами, а не

за дешевой драмой. Мой мозг архитектора работал четко и методично: если несущую бетонную стену нельзя пробить голыми руками, значит, нужно искать скрытые, микроскопические трещины в штукатурке.

Я оперлась дрожащей ладонью о край столешницы, намереваясь медленно подняться с колен. Одно неловкое, скованное болью движение, пальцы скользнули по полированному дереву, и я случайно, буквально на пару миллиметров, сдвинула край тяжелого кожаного бювара.

В эту же секунду из-под толстой темной итальянской кожи раздалась короткая, приглушенная вибрация.

Никаких громких мелодий или раздражающих рингтонов. Только сухое, почти механическое, злое жужжание вибромотора о твердую древесину ореха. Этот звук был настолько неожиданным в глухой, мертвой тишине ночного дома, что показался мне оглушительным.

Я замерла, не смея пошевелиться. Дыхание перехватило, сердце споткнулось о ноющие ребра.

Александр никогда не был идиотом. Он никогда не бросал свой основной, статусный телефон где попало. Но сегодня вечером, выведенный из своего идеального равновесия визитом въедливого, не поддающегося дешевым манипуляциям страхового следователя Ломового, муж позволил себе слабость. Он выпил лишний бокал коллекционного виски на террасе. Его безупречный контроль, который он выстраивал десятилетиями, дал микроскопическую, но фатальную трещину. Убаюканный моей покорной слабостью после утреннего приема таблеток и абсолютно уверенный в своей безопасности внутри нашего стеклянного дома, он совершил глупую человеческую оплошность. Он просто забыл убрать свой второй, тайный смартфон обратно в нутро сейфа, небрежно сунув его под накладку стола.

Я осторожно, кончиками пальцев приподняла тяжелый край кожаного бювара. В темноте кабинета резкий, холодный синеватый свет экрана безжалостно ударил по уставшим глазам. Это был дешевый, неприметный аппарат в сером пластиковом корпусе без чехла. На дисплее, поверх стандартных темных обоев, ярко светилось всплывшее короткое уведомление о новом текстовом сообщении.

Там было всего одно короткое имя.

«Е. Косметолог».

Я не стала брать этот чужой, мерцающий пластик в руки. Мне это было совершенно не нужно.

Одно лишь это имя, одна лишь эта чертова буква «Е» сработала как острый, безжалостный хирургический скальпель, одним точным движением вскрывший заблокированную шоком память. Защитный барьер амнезии, возведенный моей психикой после удара о сосну, рухнул, не выдержав этого прямого, визуального попадания.

Воспоминания не вернулись ко мне связным, логичным текстом. Они обрушились на меня лавиной тошнотворных, уродливых, гротескных сенсорных вспышек, сбивая с ног и лишая кислорода.

Сначала по моим рецепторам наотмашь ударил запах. Приторная, липкая, тошнотворно-сладкая синтетическая клубника дешевого вейпа. Запах, который в тот дождливый октябрьский день мгновенно убил благородную, терпкую горечь гватемальского кофе в моем стакане. Кофе, который я с такой многолетней, выдрессированной заботой принесла своему мужу на работу.

Затем сквозь пелену прорвался звук. Влажный, ритмичный, невыносимо пошлый скрип темно-коричневой миланской кожи на диване в его ординаторской. И тяжелое, с явной старческой одышкой, жалкое, суеливое кряхтение человека, пытающегося доказать кому-то свою мужскую состоятельность.

И, наконец, вспыхнула картинка. Яркая, режущая сетчатку, отпечатавшаяся на подкорке навсегда. Растрепанная, влажная от противной испарины идеальная седина моего уважаемого супруга. Худенькое, угловатое девичье плечо, усыпанное мелкими, невыразительными родинками. Дешевая, ядовито-розовая лямка синтетического бюстгалтера с торчащей ниткой, небрежно сползшая вниз по руке.

Ева. Ее зовут Ева Подушкина. Интернша из отделения эстетической дерматологии в клинике, построенной на деньги моего отца. Девчонка, которой едва исполнилось двадцать четыре года.

Свирепая, уродливая мозаика сошлась воедино. Черная, зияющая дыра последнего месяца моей жизни в одно мгновение заполнилась обжигающим, грязным бетоном правды. Плотный белый конверт без обратного адреса на пассажирском сиденье моего кроссовера. Зернистые, сделанные детективом издалека фотографии этой парочки у входа в дешевый придорожный мотель. Мой бешеный, ослепленный слезами ярости заезд по мокрой, извилистой трассе Хвойного берега. Мой собственный сорванный, хриплый крик в салоне машины: «Я вас уничтожу!». И мое сознательное решение изо всех сил ударить по тормозам перед неизбежным лобовым столкновением с вылетевшим на встречу грузовиком.

Никакого лося не было. Александр вовсе не спасал меня. Он не дежурил у моей больничной койки сутками из великой, всепрощающей супружеской любви. Он трясся от животного, липкого страха за свою вылизанную репутацию, за свою медицинскую империю и, главное, за мои деньги. Амнезия стала для него невероятным, спасительным выигрышем в лотерею. Он изолировал меня от внешнего мира, цинично отвалил нашу родную дочь, накачивал психотропными препаратами и методично лепил из меня сумасшедшую, недееспособную женщину, просто чтобы скрыть свою банальную, жалкую интрижку.

Мой организм, критически истощенный травмами, химией и нервным напряжением последних дней, категорически не выдержал силы этого ментального удара. Желудок мгновенно скрутило жестким, болезненным спазмом подступившей тошноты. Сердце сорвалось в бешеный, рванный ритм, с размаху ударяя по сломанным ребрам так, словно хотело проломить грудную клетку изнутри. Воздух в кабинете внезапно закончился, застряв в пересохшем горле колючим, непроглатываемым комком. Зрение сузилось до опасного туннельного состояния, по краям поползла черная рябь.

Ноги окончательно подкосились, потеряв опору, и я бесформенно осела на мягкий ворс ковра, тяжело привалившись взмокшей спиной к деревянной дверце тумбы. Меня била крупная, ледяная дрожь, зуб на зуб не попадал от внезапного озноба.

Изнутри, из самых темных, животных глубин живота, поднимался первобытный, разрывающий легкие вопль. Мой разрушенный инстинкт самосохранения требовал прямо сейчас вскочить, преодолеть физическую боль, взбежать по лестнице на второй этаж, ворваться в спальню, включить верхний слепящий свет и выкрикнуть ему в лицо всё свое накопленное омерзение. Разорвать этот идеальный, стерильный фасад в клочья, ударить его по благородному лицу, разбить все его драгоценные коллекционные часы вдребезги.

Но за долю секунды до того, как этот крик разорвал бы вязкую тишину спящего дома, я обеими дрожащими руками намертво зажала себе рот.

Я с такой первобытной, иступленной силой впиалась собственными зубами в мягкую мякоть ладони, что почти мгновенно почувствовала на языке густой, железистый, солоноватый привкус крови. Острая, пульсирующая физическая боль пронзила кисть, мгновенно отрезвляя парализованный ужасом разум.

Только не кричать. Крик – это проявление отчаяния. Крик – это мгновенный, безоговорочный проигрыш. Если он проснется от шума, если спустится и найдет меня здесь, на полу своего кабинета, в состоянии неконтролируемой истерики, он даже не станет со мной спорить. Он просто посмотрит на меня с глубокой, наигранной печалью мученика и вызовет своего руч-

ного доктора Фиалкова. Один укол мощного седативного, мастерски подделанный диагноз, и завтра утром я проснусь в закрытой, мягкой палате частной психиатрической клиники, навсегда лишенная абсолютно всех юридических прав на свою жизнь, свой бизнес и свое имущество.

Я зажмурила глаза до цветных кругов и заставила себя дышать. Вдох сквозь нос на четыре долгих счета. Задержка дыхания в саднящей груди. Медленный, контролируемый выдох сквозь плотно сжатые зубы на восемь счетов. Практики кризисной психологии и заземления, которым я годами учила запутавшихся, сломанных подростков на своих анонимных онлайн-консультациях, сейчас спасали мою собственную жизнь. Я сидела на полу в крошечной темноте чужого кабинета, раскачиваясь из стороны в сторону, как сломанный маятник, глотая беззвучные, едкие слезы и теплую соленую кровь с прокушенной кожи.

Светящийся синий экран чужого телефона под кожаным бюваром мигнул и погас, погрузив пространство кабинета обратно в непроницаемый мрак.

Паника медленно, неохотно, словно отступающий тяжелый прилив, покинула мое тело, оставив после себя выжженную, абсолютную, ледяную пустоту. Дрожь в непослушных руках унялась. Я отняла прокушенную ладонь от лица и тщательно вытерла мокрые губы рукавом фланелевой пижамы.

Слезы высохли, мгновенно превратившись в кристаллизованный, прозрачный и острый как стекло гнев.

Я не просто поднялась и ушла. Во мне включился холодный, расчетливый реставратор, привыкший годами работать с микронами исторической пыли и восстанавливать утерянные детали по крупицам. Опираясь на стол, я медленно встала, игнорируя протест травмированных ребер. Миллиметр в миллиметр, с хирургической точностью я задвинула спрятанный смартфон обратно, вернув тяжелый кожаный бювар ровно на то место, где он лежал изначально. Я выровняла его край по невидимой границе тени, падающей от зеленой настольной лампы. Затем тщательно протерла сухой тканью рукава гипотетические следы своих влажных пальцев на полированном дереве столешницы.

Декорации идеальной, вылизанной лжи моего мужа остались абсолютно нетронутыми. Ни единой зацепки. Никаких следов моего присутствия.

Я бесшумно вышла из кабинета в темный, дышащий прохладой коридор, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Магнитный замок мягко, почти ласково щелкнул, возвращая иллюзию полной безопасности тем, кто находился внутри этого особняка.

Мой муж был гениальным стратегом. Он думал, что стер мою личность, просто нажав на кнопку химической перезагрузки, и что теперь сможет лепить из меня всё, что ему вздумается, наслаждаясь своей безнаказанностью. Но он совершил роковую ошибку, презрительно забыв о моей первой профессии. Я архитектор-реставратор. Я лучше кого бы то ни было знаю, как правильно сносить прогнившие здания до самого основания, чтобы они рухнули строго внутрь себя, превратившись в труху.

Глава 10.

– Да, я уже видела проект договора. Правки внесем до вторника, – звонкий, раздраженно-деловой голос моей дочери раздался прямо из прихожей, опередив глухой хлопок закрывшейся входной двери. – Всё, Игорь, я перезвоню. Я у родителей.

Ритм этого дома, до тошноты размеренный и вязкий последние дни, мгновенно сломался. Марина всегда врывается в пространство именно так – как порыв холодного, колючего ветра, сметая на своем пути любую статику.

Я медленно вышла из гостиной в светлый холл. Каждое движение давалось с трудом. Под мягким, объемным кашемировым кардиганом, который я надела этим утром, скрывался жесткий медицинский корсет. Он безжалостно сдавливал ушибленные о руль ребра, заставляя дышать поверхностно и часто. Но физическая боль теперь была моим союзником, моим единственным честным маяком в этом стеклянном лабиринте лжи.

Марина сбросила дорогое верблюжье пальто на пуф, не глядя повесила сумку на крючок и наконец подняла на меня глаза. Моя дочь. Тридцать пять лет, блестящий корпоративный юрист, идеальная осанка и этот фирменный, чуть снисходительный прищур темных глаз, который она полностью, до последней микромимической морщинки, скопировала у своего отца.

– Мам, привет, – она шагнула ко мне и дежурно чмокнула в щеку. От нее пахло крепким эспрессо на вынос, морозной улицей и едва уловимой химией дорогой химчистки. Запах человека, у которого нет времени на слабости.

Ее взгляд скользнул по моей фигуре и вдруг замер на правой руке. Там, на самом сгибе ладони, красовался плотный телесный пластырь. Под ним скрывался глубокий, воспаленный след от моих собственных зубов – память о прошлой ночи, когда я сидела на полу в кабинете Александра и до крови прокусила себе кожу, чтобы не закричать от ужаса вернувшихся воспоминаний.

– Что с рукой? – Марина нахмурилась, стягивая тонкие кожаные перчатки.

– Утром закружилась голова в ванной, – мой голос прозвучал ровно, без малейшей запинки. Годами я учила трудных подростков справляться с паникой, и теперь эти навыки спасали меня саму. – Пошатнулась и сильно содрала кожу об острый металлический край стеклянной полки, когда пыталась удержать равновесие. Ничего страшного.

– Тебе нужно быть осторожнее, мам. Координация еще ни к черту, – дочь покачала головой с той интонацией, с которой обычно отчитывают неразумного ребенка, идеально проглотив наживку про мою слабость. – Пойдем на кухню. Я вам тут кое-что привезла.

Она подхватила два плотных крафтовых пакета с логотипом дорогого гастрономического бутика и направилась в сторону кухни. Я побрела следом, аккуратно переставляя ноги в мягких домашних лоферах.

На холодный мрамор кухонного острова посыпались деликатесы: упаковки с хамоном, фермерские сыры с плесенью, свежие ягоды, баночки с артишоками. Я смотрела на это гастрономическое великолепие кристально трезвым взглядом. Мой мозг, окончательно очистившийся от химического тумана, работал со скоростью суперкомпьютера. Сегодня утром, когда муж со своей привычной паточной заботой принес мне стакан воды и капсулы, я блестяще отыграла покорность. Спрятала отраву глубоко за щеку, послушно глотнула воду, улыбнулась ему, а как только за ним закрылась дверь гаража – выплюнула растворяющийся яд в бумажную салфетку.

Я знала, что наш огромный холодильник и так забит пластиковыми контейнерами от ресторанного кейтеринга. Александр педантично обеспечил идеальную бесперебойную доставку готовой еды, чтобы лишить меня даже малейшего повода выйти в магазин или вызвать прислугу. Марина привезла эти продукты не от того, что в доме нечего есть. Это был ее язык

любви. Эмоциональный аутсорсинг. Откупиться дорогими сырами всегда проще, чем сесть, взять мать за руку и искренне, глядя в глаза, спросить: «Что ты на самом деле чувствуешь?».

– Слушай, ну ты выглядишь... не очень, мам, – Марина включила кофемашину и прислонилась бедром к столешнице, скрестив руки на груди. – Бледная, осунувшаяся. Папа сказал, ты совсем слабенькая. Ты пьешь то, что Володя Фиалков прописал? Тебе нельзя пропускать.

Я опустила на высокий барный стул, стараясь не морщиться от тупой боли в грудной клетке.

Передо мной стояла моя родная дочь, но я вдруг с ледяной ясностью осознала, насколько мы далеки. Александр десятилетиями, по капле, методично выстраивал этот разлом. Он никогда не говорил обо мне плохо напрямую. Он действовал тоньше, как искусный хирург, орудующий скальпелем сплетен. «Твоя мама – творческая натура, она не понимает в бизнесе», «Маме нужно больше отдыхать, она не справляется со стрессом», «Давай не будем расстраивать маму нашими взрослыми проблемами». Год за годом он лепил из меня в глазах Марины образ милой, удобной, но абсолютно бестолковой женщины, годной лишь на то, чтобы перебирать черепки в своей оранжерее.

И теперь я пожинала плоды его дьявольской архитектуры. Я не могла просто крикнуть ей: «Твой отец спит с двадцатичетырехлетней девчонкой и травит меня психотропами!». Для Марины это прозвучало бы как стопроцентный, не подлежащий сомнению бред травмированного мозга. Мне нужно было действовать иначе. Посеять микроскопическое зерно сомнения.

– Пью, конечно, – я заставила себя слабо, беззащитно улыбнуться. – Марин... можно с тобой посоветоваться? Как с юристом.

Она чуть удивленно приподняла брови. Жужжание кофемолки стихло.

– Смотря о чем. Если опять про твои подписки на журналы по реставрации, то я же просила...

– Нет, – я мягко перебила ее. – Вчера приходил Николай Ломовой. Следователь из страховой. Осматривал разбитую машину в гараже.

– И что? Обычная процедура. Машина totally уничтожена. Хорошо, что страховка расширенная.

Я подалась чуть вперед, обхватив холодную столешницу здоровой рукой.

– Он сказал странную вещь, Марина. Он сказал, что следы на мокром асфальте категорически не сходятся с версией про лося на дороге. Я не уворачивалась. Я тормозила сама, по прямой траектории. Марин, мне кажется, Саша что-то недоговаривает о той аварии. Он забрал мой телефон, он никуда меня не выпускает, он даже с тобой не дает мне нормально общаться. Я чувствую себя как в тюрьме.

Слова повисли в идеальной, звенящей тишине кухни. Я вглядывалась в лицо дочери, отчаянно ища там проблеск профессиональной хватки, юридического скепсиса, желания задать вопросы.

Но реакция Марины стала для меня безжалостным, отрезвляющим ледяным душем.

Ее лицо мгновенно закрылось, превратившись в глухую, непроницаемую маску. Она с раздраженным стуком поставила чашку на мрамор. Экран ее умных часов на запястье загорелся от очередного рабочего уведомления, и этот механический свет словно вернул ее в привычную систему координат, где ее отец был богом, а я – досадной помехой.

– Мам, ну начинается, – она тяжело, с показательной усталостью выдохнула. – Доктор Фиалков предупреждал нас, что так будет.

– Как будет? – мой голос дрогнул, но уже не от игры, а от подступившей горечи.

– Посттравматическая паранойя, – Марина произнесла этот выдуманный диагноз с такой уверенностью, словно зачитывала приговор в суде. – Володя сказал, что на фоне ушиба мозга и шока у тебя могут начаться бредовые состояния. Какие заговоры, мам? Какой следователь?

Эти страховщики готовы придумать любую чушь, лишь бы не выплачивать компенсацию за премиальный кроссовер.

Она обошла кухонный остров, подошла ко мне вплотную и положила свои прохладные, ухоженные руки мне на плечи. В этом жесте не было тепла. В нем было лишь снисходительное укрощение.

– Папа ночами не спал, пока ты лежала в реанимации, – ее голос зазвенел от искреннего возмущения. – Он клинику забросил! Он свои сложнейшие операции передал другим хирургам, чтобы сидеть у твоей постели. Он нанял лучший кейтеринг, чтобы тебе не пришлось даже к плите подходить. Он всё делает для твоего покоя. А ты... ты ищешь какой-то тайный смысл в словах чужого мужика, которому просто жалко денег компании. Прекрати мотать папе нервы. Ему и так тяжело.

Каждое ее слово было идеальным, отполированным кирпичом в той стене, которой Александр отгородил меня от мира. Мой муж был гениальным стратегом. Своим главным, самым преданным адвокатом он сделал моего собственного ребенка.

Я опустила глаза на свои колени. Спорить было бесполезно. Любое мое сопротивление прямо сейчас лишь подтвердило бы слова Фиалкова о моей невменяемости.

– Ты права, – тихо ответила я, пряча за этой покорностью кристально чистую, холодную ярость. – Наверное, я просто слишком устала.

– Вот именно, – Марина с облегчением убрала руки и взглянула на загоревшиеся часы. – Черт, мне пора бежать. У меня предварительное слушание по арбитражу через час, еще нужно успеть заехать в офис за документами.

Она стремительно направилась в холл, на ходу подхватывая свое дорогое пальто и сумку. Я шла за ней, чувствуя себя призраком в собственном доме.

У самой двери Марина обернулась. На секунду в ее глазах мелькнуло что-то похожее на вину, но она мгновенно задавила эту эмоцию, накинув привычную корпоративную броню. Она клюнула меня в щеку.

– Я позвоню на выходных. Пожалуйста, просто пей таблеточки, мам. Не придумывай того, чего нет. И будь благодарна папе. Он у нас святой.

Магнитный замок сухо и резко щелкнул, отрезая меня от единственного родного человека.

Я осталась одна в пустом, залитом серым осенним светом холле. Тишина особняка сомкнулась надо мной, но она больше не казалась мне пугающей. Внутри меня всё выгорело, оставив лишь чистый, ровный, стерильный расчет архитектора, готовящего здание к сносу.

Я поняла самое главное. Семью изнутри не спасти. Слов, слез и уговоров будет недостаточно. Если я хочу вырваться из этой стеклянной клетки и вернуть себе дочь, мне нужны факты. Жестокие, неопровержимые, документальные доказательства того, кем на самом деле является великий и святой Александр Чернов.

Мой взгляд медленно скользнул вдоль длинного коридора и остановился на массивных стеклянных створках, ведущих в зимний сад.

Там, в зеленоватом полумраке оранжереи, среди влажного торфа и мясистых листьев папоротника, стоял мой небольшой рабочий стол. Александр вычистил весь дом, забрал мой телефон, перекрыл доступ к банковским счетам, но его колоссальное высокомерие сыграло с ним злую шутку. Он всегда брезгливо называл мои анонимные психологические консультации для трудных подростков «дурацкой блажью стареющей женщины». Он даже не подумал забрать или запаролить мой старый, потертый рабочий ноутбук, который покоился под кипой журналов по исторической реставрации.

Я сделала глубокий вдох, игнорируя режущую боль в ребрах, и медленно, но твердо шагнула в сторону оранжереи. Там, под слоем пыли, лежало мое единственное, неконтролируемое мужем окно во внешний мир. И я собиралась распахнуть его настежь.

Глава 11.

В реставрации исторических артефактов пыль – это не просто банальная грязь, от которой нужно поскорее избавиться влажной тряпкой. Пыль – это хронограф. Это осязаемая память. По тому, как ложится тонкий, бархатистый серый налет на поверхность выцветшего дерева или пористой керамики, можно безошибочно прочесть историю предмета. Узнать, прикасались ли к нему человеческие руки в последние месяцы, переставляли ли его с места на место, или он был окончательно предан глухому забвению.

Я стояла в зеленоватом полумраке оранжереи, тяжело опираясь здоровой рукой о край своего массивного дубового стола. Воздух здесь был совершенно иным, чем в остальном доме. Густой, влажный, он откровенно пах мокрым торфом, прелыми листьями папоротника и живой землей. Под просторным мягким кашемировым кардиганом жесткий медицинский корсет безжалостно стягивал ушибленные о руль ребра. Каждое движение, каждый глубокий вдох по-прежнему отдавались тупой, пульсирующей болью, заставляя дышать мелко и максимально осторожно. Никакого волшебного исцеления не произошло. Мое тело было сломано, но мой разум, окончательно освободившийся от химического тумана, был кристально чист.

Александр, с его маниакальной, почти пугающей страстью к стерильному контролю, заставил клининговую службу вылизать весь особняк до состояния хирургической палаты. Он изъял мой разбитый телефон, отключил домашний интернет и скупил новые, девственно чистые гаджеты без истории, профессионально отрезав меня от внешнего мира. Но его непомерное, снобистское высокомерие сыграло с ним злую шутку. Мой лощеный муж, привыкший измерять статус людей брендами и банковскими счетами, всегда брезговал моим увлечением, считая его неэстетичной блажью. Он настрого запретил прислуге даже приближаться к «хламу хозяйки» в зимнем саду, чтобы случайно не испачкать полированный светлый паркет в коридоре землей или краской.

Эта брезгливость сохранила мне мой единственный тайник.

Я медленно, стараясь визуальнo запомнить исходный угол, сдвинула тяжелую стопку старых архитектурных справочников по реставрации. Под ними покоился мой рабочий ноутбук. Простой, потертый черный пластик без единого намека на люксовую статусность. Муж даже не удосужился открыть его крышку, уверенный, что там нет ничего, кроме скучных лекций и пыльных фотографий лепнины.

Но сам по себе ноутбук – это лишь половина дела, бесполезный кусок пластика и железа. Домашняя сеть была надежно запаролена новым, неизвестным мне кодом. Я не питала никаких иллюзий: мне шестьдесят лет, я архитектор-реставратор, а не хакер из подросткового кино, чтобы за пару минут взломать систему безопасности, установленную специалистами по приказу владельца элитной клиники. Но мне это было и не нужно. Мой жизненный опыт подсказывал куда более приземленные и надежные решения.

Я опустилась на колени, невольно скрипнув зубами от резкого спазма в груди, и с трудом выдвинула самый нижний ящик стола. Оттуда мгновенно, до рези в глазах, пахнуло резким, едким запахом растворителя и специфическим, густым ароматом японского лака уруси. Александр терпеть не мог эти промышленные запахи, они оскорбляли его чувствительное обоняние, привыкшее к селективному мужскому парфюму. Он никогда бы не полез сюда добровольно.

Я пошарила подрагивающими пальцами между холодных стеклянных баночек и жестких, слипшихся кистей. На самом дне, под скомканной хлопковой ветошью, лежал старый модем. Обычная черная пластиковая флешка. Прошлым летом я предусмотрительно оплатила безлимитный тариф на год вперед, чтобы спокойно консультировать подростков с летней веранды, не завися от капризов домашнего роутера, который часто терял сигнал из-за толстых бетонных стен особняка.

Сухой щелчок пластиковой крышки. Модем плотно вошел в порт. Я нажала кнопку питания. Раздался тихий, натужный гул старого кулера. Резкий, контрастный свет экрана ударил по глазам в зеленоватом сумраке оранжереи, заставив меня болезненно сощуриться. Индикатор на устройстве неуверенно мигнул красным, словно раздумывая, а затем загорелся ровным, спасительным синим цветом. Сеть была поймана.

Я открыла защищенный браузер и быстро, повинаясь старой мышечной памяти, вбила сложный пароль от платформы анонимной психологической помощи. В ту самую секунду, когда на мониторе загрузился мой личный кабинет с привычным интерфейсом, я физически, до легкой дрожи в кончиках пальцев, ощутила, как ко мне возвращается моя собственная, безжалостно стертая мужем идентичность.

Я больше не была бесправной тенью. Я не была сломанной, выжившей из ума пациенткой доктора Фиалкова, запертой в стеклянной клетке. Я была дипломированным специалистом по кризисной психологии. Человеком, который годами учился препарировать чужие душевные травмы и собирать разбитых людей по кускам, словно драгоценные фарфоровые вазы.

В системе висело несколько десятков непрочитанных уведомлений. Все они были от одной подопечной – трудного подростка под ником «Линда». Девочка писала мне каждый день, пропуская через себя тревогу, пока я лежала в реанимации и барахталась в густом медикаментозном киселе амнезии.

«Где вы? Ответьте. Мне нужно поговорить. Она меня бесит. Я больше не могу жить в этом клоповнике, я скоро сорвусь».

Я положила пальцы на клавиатуру. Печатать приходилось медленно, держа спину неестественно прямо, чтобы не напрягать скованные корсетом мышцы.

– Здравствуй, Линда. Прости за долгое отсутствие, у меня были серьезные проблемы со здоровьем. Но сейчас я снова здесь. Расскажешь, что случилось? – отправила я сообщение, чувствуя, как ровно и уверенно бьется пульс на запястье.

Ответ пришел почти мгновенно, словно девочка сидела, гипнотизируя экран своего телефона в ожидании чуда.

– Наконец-то! – вспыхнула строчка в чате. – Я уже думала, что вы меня тоже бросили, как и все остальные. Эта дура опять не ночевала дома. Сил моих больше нет на нее смотреть.

– Ты говоришь о старшей сестре? – я включила профессиональную, холодную отстраненность, применяя классические техники активного слушания. Эмоции психолога всегда должны оставаться за кадром.

– Да! О ком же еще. Она ведет себя как дешевая эскортница, возомнившая себя леди из высшего общества, – строчки появлялись одна за другой с пулеметной скоростью, выдавая колоссальный уровень подростковой агрессии. – Покупает какие-то поддельные сумки на последние деньги, выливает на себя литры приторных клубничных духов. Корчит из себя богачку перед зеркалом, тренирует какую-то высокомерную улыбку, а сама живет со мной и матерью в нашей вонючей дыре на окраине. Мать только вздыхает и таблетки глотает. А меня тошнит от ее бесконечного вранья.

– Почему ты так сильно злишься на нее? Тебя задевает ее выдуманный образ жизни, или то, что она отдаляется от вашей семьи? – сухо набрала я, анализируя юношеский максимализм и классический конфликт сиблингов.

Текст на экране замер. Индикатор печати то появлялся, то исчезал. Видимо, Линда набирала длинное сообщение, потом в сомнениях стирала его, потом набирала снова. В оранжерее было абсолютно тихо, лишь монотонный осенний дождь ритмично и тоскливо барабанил по толстым панорамным стеклам.

Наконец, на экране выскочил объемный абзац текста.

– Моя дура-сестра Ева совсем спятила. Спит с женатым старым главврачом из своей элитной клиники, где интернатуру проходит. Думает, он ее искренне любит и скоро осыплет

бриллиантами. А она просто ждет, когда его жена-инвалидка откинется после недавней автомобильной аварии. Он ей вчера звонил при мне, обещал, что старуха или сама скоро сдохнет от травм, или он упечет ее в дурку, чтобы спокойно забрать весь ее бизнес себе. Он уже пичкает ее какими-то сильными колесами через своего дружка-невролога. Я случайно услышала, как Ева хвасталась подруге по громкой связи. Это же просто мерзко, понимаете? Как можно строить свое счастье на том, что кого-то пихают в психушку?

Мои пальцы, занесенные над пластиком клавиатуры, окаменели. Время в оранжерее словно загустело, мгновенно превратившись в холодный, непроницаемый янтарь.

Люди, не привыкшие к настоящим кризисам, в такие моменты впадают в истерику или теряют дар речи от шока. Я же просто сидела перед светящимся монитором, не мигая глядя на черные рубленые буквы на белом фоне.

Прошлой ночью в темном кабинете Александра, увидев имя интернши на экране его тайного телефона, я уже вспомнила ее лицо. Вспомнила мотель, снимки детектива и саму измену. Но то, что написала девочка сейчас, вскрывало совершенно иной, куда более дьявольский масштаб его замысла.

Он не просто ждал классического развода. Мой муж, человек, с которым я делила постель больше тридцати лет, откровенно хвастался своей молодой подстилке тем, как виртуозно он сводит меня с ума. Красные и синие капсулы доктора Фиалкова – это не медицинская перестраховка заботливого супруга. Это холодный, целенаправленный план по признанию меня полностью недееспособной. Александр планировал объявить меня сумасшедшей, запереть в закрытой психиатрической клинике и оформить тотальное опекуновство над моими активами. А Ева была лишь его благодарным, восторженным зрителем.

Текст подростка был чистым, неразбавленным концентратом жестокой реальности. Прямо сейчас я, законная «жена-инвалидка», та самая «старуха», сидела и профессионально утешала родную младшую сестру любовницы моего мужа. Тамара. Настоящее имя Линды – Тамара.

Вместо слез отчаяния на моих пересохших губах появилась ледяная, жесткая усмешка. Мозаика сошлась окончательно, не оставив ни единого зазора. Моя эмпатия и моя скромная онлайн-профессия дали мне прямой, анонимный и абсолютно неконтролируемый Александром доступ в самый центр вражеского лагеря.

Животного страха больше не было. Когда ты наконец-то видишь скрытые чертежи здания, которое собирается обрушиться тебе на голову, ты больше не боишься падающих кирпичей. Ты просто начинаешь искать главную несущую опору, чтобы выбить ее первой и похоронить архитектора под его же творением.

– Линда, – медленно, контролируя силу каждого нажатия клавиши, набрала я. – Это действительно очень сложная, темная и неприятная ситуация. Но ты не несешь никакой ответственности за аморальные поступки своей взрослой сестры. Сфокусируйся на своих личных границах. Не позволяй чужой грязи разрушать твою психику и твою жизнь. Подумай об этом сегодня вечером. Мы обязательно продолжим завтра в это же время. Мне пора идти.

– Спасибо вам. До завтра, – коротко ответила девочка.

Я закрыла вкладку. Тщательно, с параноидальной педантичностью, дважды очистила кэш браузера и удалила историю посещений за сегодняшний день. Выключила ноутбук, дождавшись, пока погаснет последний диод. Вытащила модем из порта.

Снова опустившись на колени, я спрятала черную флешку обратно на самое дно деревянного ящика, надежно укрыв ее пропахшей растворителем хлопковой ветошью. Ноутбук вернулся на свое законное место на столешнице. Я положила сверху тяжелую стопку архитектурных справочников, выровняв их миллиметр в миллиметр по оставленному на полировке светлему следу.

Затем я сделала то, чему долгими годами учила своих студентов-реставраторов, когда нужно было скрыть следы свежего, несанкционированного вмешательства в древний артефакт. Я собрала пальцами щепотку тончайшей, сухой торфяной пыли с края ближайшей керамической кадки с разросшимся фикусом. Аккуратно, легким, почти невесомым дуновением, я распылила эту пыль над столом, восстанавливая естественный серый налет на глянцевых обложках книг и краях черного пластика. Ни единого следа. Визуальный фасад моего тотального неведения остался абсолютно безупречным.

Я вышла из зеленоватого полумрака оранжереи в просторный, вымощенный светлым керамогранитом холл. За огромными панорамными окнами уже сгущались ранние, тяжелые октябрьские сумерки. Дождь на улице заметно усилился, превратившись в агрессивную, сплошную стену серой воды.

Снаружи, со стороны вымощенной камнем подъездной дорожки, раздалось знакомое, влажное шуршание широких шин. Сухо, с металлическим лязгом щелкнул механизм автоматических ворот гаража. Мой муж вернулся с работы. Дом мгновенно изменился, словно его накрыло невидимым, тяжелым куполом чужой, давящей воли.

Я медленно подошла к глубокому кожаному креслу-реклайнеру в гостиной и аккуратно опустилась в него. Привычным движением поправила полы мягкого кашемирового кардигана. Расслабила мышцы лица, тщательно стерла с губ любую, даже самую мимолетную тень торжествующей усмешки. Погасила острый, осмысленный взгляд, сделав глаза пустыми и безвольными. Натянула на себя привычную, комфортную для Александра маску послушного, одурманенного тяжелыми транквилизаторами овоща.

Но теперь эта идеальная тишина в доме и моя покорная поза больше не были признаком сломленности. Муж потратил огромные деньги и весь свой дьявольский талант манипулятора, чтобы отрезать меня от мира и запереть в стерильной стеклянной колбе. Но он забыл одно простое правило архитектуры: если ты изолируешь человека внутри глухого, запертого снаружи бункера, ты сам никогда не сможешь увидеть, как он хладнокровно закладывает взрывчатку под твои несущие стены.

Я прикрыла глаза, вслушиваясь в звук открывающейся входной двери. Это больше не была слепая покорность жертвы. Это была идеально подготовленная засада.

Глава 12.

Вода обладает удивительным свойством маскировать чужие секреты. В домах, выстроенных из стекла, бетона и полированного дерева, акустика всегда безжалостна. Любой неосторожный шаг по керамограниту отдается гулким эхом, выдавая твое присутствие, любое дыхание резонирует от высоких потолков. Но когда на втором этаже, в хозяйской ванной комнате, на полную мощность включается элитный тропический душ, монотонный, тяжелый шум падающей воды создает идеальную, плотную звуковую завесу.

Я сидела в глубоком кресле гостиной, неподвижно глядя в огромное панорамное окно, и вслушивалась в этот гул труб, словно в спасительный метроном. Александр собирался на работу. Его утренняя рутина всегда была педантичной, выверенной до секунды, как сложный механизм его любимых антикварных часов. Пятнадцать минут на контрастный душ, десять на бритье, пять на выбор галстука. Мой муж никогда не был беспомощным в быту, напротив, он обожал этот процесс доведения себя до визуального абсолюта. Я точно знала, сколько времени у меня есть на то, чтобы побыть наедине со своими мыслями, не натягивая на лицо маску сломанной, одурманенной препаратами женщины.

Внезапно эту выверенную утреннюю статику разорвал резкий, сухой треск.

Звонил стационарный телефон в холле. В эпоху мессенджеров этот массивный аппарат красного дерева служил скорее элементом декора, подчеркивающим классический статус дома. Александр изъясил мой разбитый мобильный сразу после аварии, а новый выдавал строго дозированно, предварительно просматривая все уведомления под предлогом заботы о моем давлении. Тот, кто звонил сейчас, был достаточно умен, чтобы понимать правила игры в этой стеклянной клетке.

Я медленно поднялась с кресла. Жесткий медицинский корсет, скрытый под мягким, свободным домашним костюмом из плотного серого флиса, мгновенно впился в ребра, болезненно напоминая о реальности. Физическая боль никуда не ушла, она просто стала привычным, пульсирующим фоном моего существования. Стараясь дышать поверхностно, я прошла в холл и сняла тяжелую трубку ровно за секунду до того, как включился автоответчик.

– Да, – мой голос прозвучал тихо, почти бесцветно.

– Доброе утро, Юлия Николаевна. Надеюсь, я не разбудил вас, – голос на том конце провода был лишен какой-либо фальшивой социальной патоки. Сухой, ровный, с легкой, почти осязаемой мужской хрипотцой. Николай Ломовой. – Александр Викторович занят?

– Он в душе, – я невольно бросила короткий взгляд на лестницу, ведущую на второй этаж. Гул воды продолжался.

– Отлично, – тон страховщика стал еще более деловым, но в этой деловитости сквозило четкое понимание ситуации. Он знал, что мой муж не дал бы нам поговорить. – Я стою у ваших ворот. Выйдите ко мне на пару минут. Привез акт осмотра утилизированного автомобиля. Нужна исключительно ваша личная подпись на бумаге, чтобы закрыть бюрократический этап.

Короткие гудки отрезали меня от внешнего мира быстрее, чем я успела ответить. Николай Ломовой, бывший следователь убийного отдела, не тратил время на пустые расшаркивания. Он дал мне идеальный, абсолютно легальный предлог для выхода из дома.

Я подошла к шкафу в прихожей. Наклоняться за обувью было невыносимо больно, поэтому я просто всунула босые ноги в широкие замшевые лоферы на меху, стоявшие у банкетки. Сняла с вешалки свое тяжелое шерстяное полупальто цвета мокрого асфальта и накинула его прямо поверх домашнего флиса, не застегивая пуговиц. Правая рука предательски заныла – под телесным пластырем на ладони все еще воспалился глубокий след от моих собственных зубов. Времени на эстетику совершенно не было.

Магнитный замок входной двери поддался с тихим щелчком.

Улица встретила меня обжигающим контрастом. Внутри особняка воздух был искусственно-теплым, тяжелым, намертво пропитанным терпким сандалом из диффузоров и люксовым парфюмом моего мужа. Снаружи же царил стылый, пронзительный конец октября. Густой, влажный туман клубился между темными стволами вековых сосен Хвойного берега, оседая на воспаленной коже мелкими ледяными каплями. Запах прелой хвои, мокрой земли и сырости мгновенно прочистил легкие, заставляя мозг работать с хирургической ясностью.

Я шла по вымощенной клинкерным камнем дорожке, осторожно переставляя ноги. Влажный камень скользил под подошвами лоферов. За кованой решеткой высоких ворот темнел массивный силуэт внедорожника. Забрызганный осенней грязью, лишенный какого-либо лоска, он казался пришельцем из другой галактики на фоне вылизанных газонов нашего элитного поселка.

Николай стоял у калитки. На нем было то же самое плотное драповое пальто темно-серого цвета, воротник поднят, руки глубоко спрятаны в карманы. От него пахло холодным уличным озоном, мокрой шерстью и едва уловимым, жестким сигаретным табаком. Этот запах реальности был мне сейчас необходим как кислород.

Я нажала кнопку на пульте, приоткрывая створку калитки ровно настолько, чтобы мы могли видеть друг друга без железных прутьев перед лицами.

– Здравствуйте, Николай, – я плотнее запахнула края полупальто на груди, ежась от пронизывающего сырого ветра.

Он не стал здороваться в ответ, лишь коротко кивнул, сканируя мое лицо своим тяжелым, внимательным взглядом из-под густых бровей с проседью. В этом взгляде не было ни капли той липкой, снисходительной жалости, которой щедро одаривали меня муж, соседка Брошкина или собственная дочь. Николай смотрел на меня как на живого человека, способного держать удар.

Он вытащил руку из кармана и протянул мне пластиковый планшет с металлическим зажимом, удерживающим несколько листов убористого печатного текста.

– Ознакомьтесь с перечнем повреждений, Юлия Николаевна. Поставьте подпись в самом низу, где галочка, – произнес он достаточно громко.

Мы оба прекрасно знали, что на кирпичных столбах ворот установлены камеры наблюдения, которые пишут не только картинку, но и звук. Александр никогда бы не оставил периметр своей крепости без тотального контроля.

Я взяла планшет. Мои пальцы, побелевшие от пронизывающего холода, слегка дрожали. Я опустила глаза в бумаги, делая вид, что внимательно вчитываюсь в казенные формулировки о деформации левого лонжерона и разрушении рулевой рейки.

Николай сделал полшага вперед, оказавшись вплотную ко мне. Расстояние между нами сократилось до минимума.

– Ваш супруг заявил инспектору ДПС, что видеорегистратор разбился вдребезги при ударе о сосну, – заговорил он внезапно.

Его губы почти не шевелились, а голос упал до едва различимого, глухого шепота, который мгновенно растворился в шуме ветра и шорохе мокрых сосновых веток. Ни один чувствительный микрофон уличных камер не смог бы вычленить эти слова из фонового гула непогоды.

Я замерла. Шариковая ручка, зажата в моей руке, застыла в миллиметре от белого бумажного листа. Сердце под жестким корсетом пропустило удар, а затем сорвалось в болезненный, рваный ритм.

– Александр Викторович лично забрал прибор с лобового стекла, пока вы находились без сознания до приезда скорой, – монотонно продолжал Ломовой, глядя куда-то поверх моего плеча, словно мы обсуждали качество асфальта. – Он приложил к полицейскому протоколу лишь осколки пластикового корпуса, сославшись на то, что восстановить данные невозможно. Идеальная, чистая работа.

Мой внутренний архитектор, привыкший годами анализировать скрытые дефекты несущих конструкций, мгновенно оценил весь масштаб этой дьявольской лжи. Александр не просто прятал правду о своей измене с Евой. Он методично, шаг за шагом, зачищал любые доказательства того, что моя авария не была случайностью. Он стирал мою личность не только химическими препаратами Фиалкова, но и физически уничтожая цифровые следы моего бегства.

Я заставила себя сделать медленный вдох, подавляя подступившую к горлу удушливую панику.

– Я расписалась, – произнесла я вслух обычным, громким голосом, ставя на бумаге свою ровную архитектурную подпись с характерным наклоном.

– Благодарю. Секунду, – Николай аккуратно отцепил от планшета нижний лист. – Ваш экземпляр для личного архива.

В ту секунду, когда я забирала у него сложенную бумагу, его большая, загрубевшая рука намеренно, с жестким мужским нажимом скользнула по моим пальцам. Это не было случайным касанием. Я почувствовала, как в центр моей ладони, прямо к линии жизни, под прикрытием белого листа властно вдавился крошечный, ледяной и твердый предмет с острыми гранями.

– Но я приехал на трассу раньше вашего мужа, Юлия Николаевна, – так же не шевеля губами, тихо и веско закончил Николай. – И успел извлечь носитель до того, как он подошел к машине. Посмотрите это, когда будете в абсолютной безопасности. И помните: я на связи.

Он плавно высвободил планшет из моих рук, отступил на шаг назад и вежливо кивнул мне на прощание. Развернулся, тяжело ступая по мокрому асфальту, сел в свой внедорожник и запустил двигатель. Машина тронулась с места, растворяясь в густой осенней мгле.

Я осталась стоять у открытой калитки. Крошечная карта памяти micro-SD впивалась в кожу, обжигая холодом. Это больше не была моя внутренняя параноя. Это больше не были обрывочные, болезненные флешбэки, которые Александр так виртуозно списывал на мое сумасшествие. У меня в руках было документальное, цифровое доказательство его преступления.

Я сунула руку глубоко в карман шерстяного пальто, намертво сжав флешку в кулаке. Быстро нажала кнопку на пульте, дождалась, пока кованая створка с лязгом встанет на место, и повернула обратно к дому. В левой руке я крепко держала казенный экземпляр страхового акта.

Обратный путь по дорожке дался невыносимо тяжело. Адреналин, выброшенный в кровь во время разговора, начал стремительно отступать, оставляя после себя сосущую слабость и тупую боль в сломанных костях. Я дышала ртом, глотая влажный туман, и мысленно готовила себя к возвращению в стеклянную клетку.

Магнитный замок снова сухо щелкнул. Я перешагнула порог, закрыла за собой тяжелую бронированную дверь и оказалась в светлом, залитом искусственным светом холле. Теплый воздух, пахнувший сандалом, мгновенно ударил в нос.

Я стянула с плеч тяжелое пальто и повесила его на крючок. Моя правая рука с зажатой уликой так и осталась глубоко в кармане верхней одежды.

Я обернулась. На нижней ступеньке широкой лестницы, ведущей со второго этажа, стоял мой муж.

Александр был безупречен. Он казался ожившей иллюстрацией из дорогого журнала о жизни успешных людей. Идеально выглаженная светло-голубая сорочка, темно-синие брюки с безукоризненной стрелкой, чуть влажные после душа серебристые волосы, аккуратно зачесанные назад. Вся его фигура излучала монументальную, непоколебимую уверенность человека, привыкшего властвовать над жизнями других.

Но его глаза выдавали его с головой. Темные, цепкие, они сканировали меня с хирургической холодностью. Он мгновенно зафиксировал румянец от сырого ветра на моих щеках,

сбившееся дыхание и небрежно накинутый домашний костюм. Его параноидальный инстинкт контролера сработал безукоризненно.

– Где ты была, Юленька? – его бархатный баритон звучал мягко, но в этой мягкости пряталась стальная, безжалостная удавка. – Почему входная дверь открывалась?

Прошлой ночью я сидела на полу в его темном кабинете, давясь беззвучными слезами от осознания его предательства. Но сейчас, глядя на этого лощеного, холеного манипулятора, я не чувствовала ни страха, ни желания выкрикнуть ему в лицо обвинения. Мой разум реставратора перешел в режим ледяного расчета. Я знала: если попытаться скрыть факт выхода на улицу, он проверит наружные камеры и поймает меня на лжи. Оправдываться – значит показывать свою слабость. Лучший способ обезоружить опытного газлайтера – использовать тактику полуправды, приправив ее тем самым поведением, которого он от тебя ждет.

Я не стала прятать взгляд. Напротив, я посмотрела на него снизу вверх с безвольной, глубоко апатичной усталостью женщины, мозг которой безнадежно пропитан транквилизаторами.

– Звонили на стационарный, из страховой компании, – я позволила своему голосу звучать слабо, почти жалобно. Я слегка приподняла левую руку, демонстрируя ему сложенный пополам лист с официальным логотипом. – Привезли очередной акт на подпись по поводу утилизации машины. Я не стала дергать тебя из душа из-за этой бюрократической ерунды, Саша. Просто вышла к воротам, расписалась и забрала свой экземпляр.

Я тяжело оперлась спиной о стену, картинно прикрывая глаза.

– У меня так кружится голова от всех этих формальностей. Там так холодно на улице... Я просто хочу лечь.

Александр медленно спустился с последней ступеньки и подошел ко мне. Его пронзительный взгляд скользнул по моему бледному лицу, по расслабленной позе и на долю секунды задержался на казенной бумаге в моей руке. Алиби было стопроцентным. Я физически чувствовала, как в его голове крутятся шестеренки оценки рисков.

Маска сработала безукоризненно. Он видел перед собой лишь сломанную, послушную жену, которая слишком слаба, чтобы вести двойную игру. Его раздутое эго, уверенное в абсолютном превосходстве, с готовностью проглотило эту наживку.

Мышцы на его лице расслабились. Тревожная складка между бровями разгладилась, уступив место привычному, снисходительному выражению всепрощающего патриарха.

– Глупая моя птичка, – он подошел вплотную, обхватив мои плечи своими большими, горячими руками. – Тебе вообще не нужно думать о таких вещах. Оставь всю бюрократию мне. Доктор Фиалков предупреждал, что любая умственная нагрузка сейчас противопоказана. Иди в кровать. Я распоряжусь, чтобы привезли горячий обед.

Он наклонился и поцеловал меня прямо в макушку.

Мне стоило колоссальных усилий воли не отшатнуться, не стереть след от его губ с волос. Запах его парфюма забивался в легкие, вызывая острую тошноту, но я заставила себя покорно прильнуть к его груди, доигрывая сцену до самого конца.

– Спасибо, Саша. Хорошего дня в клинике, – прошептала я, мягко высвобождаясь из его объятий.

Александр поправил манжеты сорочки, взял с тумбочки ключи от своего дорогого автомобиля и вышел из дома. Тяжелая бронированная дверь сухо и глухо щелкнула за его спиной, намертво отрезая меня от внешнего мира.

Я осталась стоять в идеальной, стерильной тишине прихожей.

Тактильный контраст был почти невыносимым. На моих волосах все еще лежал липкий, фальшивый след его поцелуя. Но моя правая рука, опущенная в карман висящего на крючке шерстяного пальто, намертво сжимала острые грани крошечной карты памяти. Внутри этого стеклянного, прозрачного особняка холодный кусочек черного пластика ощущался как чека от гранаты, которую я уже выдернула.

Я медленно подняла голову и посмотрела в глубину длинного коридора, туда, где за плотно закрытыми створками оранжереи лежал мой старый, забытый мужем ноутбук. Теперь оставалось только дожидаться ночи.

Глава 13.

Любой профессиональный реставратор знает базовое правило работы с хрупкими историческими артефактами: самое опасное в нашем ремесле – это суета. Одно неверное, торопливое движение резцом, один лишний миллиграмм агрессивного растворителя, и благородная вековая эмаль пойдет глубокими, непоправимыми трещинами. Я мысленно повторяла себе это золотое правило на каждый осторожный вдох, пока медленно, преодолевая жесткое физическое сопротивление тела, спускала ноги с высокого матраса гостевой кровати.

Под плотной серой тканью флисового домашнего костюма тугой медицинский корсет безжалостно стягивал грудную клетку. Ушибленные о руль ребра мгновенно отозвались тупой, тянущей болью, ехидно напоминая о том, что чудесных кинематографических исцелений за пару дней не бывает. Но парадоксальным образом сейчас эта боль была мне жизненно необходима. Она служила надежным соматическим якорем, не давая моему сознанию снова соскользнуть в туманную, липкую апатию, которую так старательно навязывал мне муж.

В огромном особняке стояла глухая, непроницаемая ночь. Александр спал на втором этаже, в нашей роскошной хозяйской спальне с панорамными окнами. Я за тридцать пять лет брака успела выучить наизусть ритмы его организма. Мой муж всегда спал тяжело и крепко, как человек, абсолютно уверенный в собственной неуязвимости и тотальном, безупречном контроле над своей территорией. Электронный контур безопасности дома был активирован, намертво отрезая нас от внешнего мира, но внутри этой стеклянной клетки я могла передвигаться. Это было мое единственное, микроскопическое окно возможностей.

Ступая босыми ногами по ледяному керамограниту, я бесшумно вышла в коридор. Ночная темнота казалась вязкой, она пахла дорогим паркетным воском и тем самым терпким мужским сандалом, которым Александр, словно хищник, метил всё вокруг.

Я подошла к встроенному шкафу в прихожей. Мое тяжелое шерстяное полупальто так и висело на крючке с самого утра, когда я выходила к воротам на встречу со страховым следователем Ломовым. Запустив дрожащую руку глубоко в правый карман, я нащупала крошечный, твердый квадрат пластика. Карта памяти Micro-SD. Мой единственный цифровой свидетель, извлеченный из разбитого видеорегистратора до того, как великий доктор Чернов успел зачистить улики. Острые грани флешки больно впились в подушечки пальцев, обжигая их холодом реальности.

Следующая остановка – зимний сад. Зеленоватый, влажный полумрак оранжереи встретил меня густым запахом мокрого торфа и прелых папоротников. Я осторожно опустилась на колени перед своим рабочим столом, до крови прикусив губу от резкого спазма в боку. Сдвинула тяжелую стопку архитектурных справочников по лепнине и вытащила старый, потертый черный ноутбук. Муж всегда брезговал прикасаться к моим рабочим вещам, называя их пыльным хламом, поэтому он даже не догадывался, что в боковом кармане тканевого чехла всегда лежал пластиковый картридер – специальный USB-адаптер. Я часто использовала его раньше, чтобы переносить макроснимки отреставрированных деталей с фотоаппарата на жесткий диск.

Подняв ноутбук, я почувствовала, каким неподъемным свинцом он вдруг налился в моих ослабевших руках. Возвращаться с ним обратно в гостевую спальню было критически рискованно – случайный луч лунного света из окна мог выхватить мерцание монитора с улицы, или свет экрана мог пробиться в щель под дверь.

Я направилась в гостевую ванную комнату. Это было идеальное, глухое помещение без единого окна, отделанное темным матовым камнем. Тяжелая дверь мягко, почти беззвучно вошла в пазы, магнитный замок сухо защелкнулся, герметично отсекая меня от спящего дома.

Я опустила крышку унитаза и села, положив прохладный пластик ноутбука на колени. Протянула руку к хромированному смесителю над раковиной и повернула рычаг. Тонкая, едва

заметная струйка воды ударила в фаянс, создавая ровный, монотонный белый шум. Если Александр по какой-то нелепой случайности проснется и спустится вниз за стаканом воды, этот звук надежно замаскирует то, что сейчас будет происходить за закрытой дверью.

Из сумки я достала старые проводные наушники и вставила штекер в разъем. Затем аккуратно поместила крошечную карту памяти в адаптер и вставила его в порт ноутбука.

Внутренний кулер натужно загудел, разрезая стерильную тишину ванной комнаты. Синеватый, резкий свет экрана ударил по глазам, безжалостно высвечивая в огромном зеркале напротив мое бледное, осунувшееся лицо.

Операционная система распознала внешний накопитель. На рабочем столе появилась стандартная желтая папка. Внутри лежал всего один уцелевший видеофайл с расширением MP4. В столбце свойств неумолимо светилась дата: 28 октября. То самое промозглое утро моей аварии.

Мое сердце сбилось с привычного ритма, колотясь о сломанные ребра так сильно, что на секунду перехватило дыхание. Я занесла указательный палец над тачпадом. В этот момент мне до одури захотелось просто захлопнуть крышку. Остаться в неведении. Ведь пока ты своими глазами не видишь скрытых чертежей разрушения, можно наивно делать вид, что твой брак просто немного просел от времени. Но реставратор внутри меня, годами привыкший безжалостно вскрывать гнойники истории под слоями фальшивой краски, твердо нажал на левую кнопку.

Экран мигнул, разворачивая видеоплеер на полную ширину.

Картинка была серой, нервной, сильно зернистой из-за плохих погодных условий. Камера видеорегистратора была направлена строго вперед, захватывая капот моего кроссовера и часть мокрой, извилистой трассы элитного поселка. Дворники ритмично, с раздражающим резиновым скрипом, смахивали с лобового стекла сплошную пелену октябрьского ливня.

В наушниках зашуршал фоновый гул работающего на высоких оборотах двигателя. А затем я услышала звук внутри салона.

Это было тяжелое, прерывистое, поверхностное дыхание человека, находящегося на грани кислородного голодания от панической атаки. Я скользнула взглядом в правый нижний угол экрана. Цифры электронного спидометра, вшитые прямо в видеоряд, стремительно ползли вверх: восемьдесят, девяносто пять, сто десять километров в час. Для такой мокрой, усыпанной скользкой хвоей дороги это было критически, самоубийственно быстро.

– Я вас уничтожу! – вдруг разорвал белый шум мой собственный голос.

Он был совершенно неузнаваемым. Хриплый, сорванный на первобытный крик, полный животной боли и концентрированной, чистой ненависти. Он больно царапал барабанные перепонки.

– Я все знаю! Будь ты проклят, Саша! – снова выкрикнула я на записи, и глухой звук удара женской ладони по кожаной оплетке руля эхом отдался в моих ушах.

Александр лгал. Лгал полиции, лгал страховой, лгал собственной дочери и мне. Никакого огромного лося, внезапно выскочившего из лесополосы, не было и в помине. Я гнала тяжелую машину сама, ослепленная его предательством, спасаясь не от лесного животного на дороге, а от того ледящего душу ужаса, который навсегда поселился в моем собственном браке.

На экране из-за крутого поворота внезапно, словно монолитная скала, вынырнул кузов встречного грузовика. Водитель фуры явно решил нагло срезать угол по встречной полосе. Ослепительный, жесткий свет мощных фар ударил прямо в объектив моего регистратора, заливая экран слепящим белым пятном.

Раздался истошный, леденящий кровь визг стираемых о мокрый асфальт покрышек, потерявших сцепление. На видео было предельно четко видно, как капот моей машины даже не пытается уйти вправо – он тяжело клюет носом вниз от экстренного, панического торможения в пол.

И в эту самую секунду законы физики сделали то, что не смог предотвратить мой гениальный, расчетливый муж. От чудовищного отрицательного ускорения легкие предметы мгновенно швырнуло вперед. В слепой ярости за пару минут до этого я швырнула плотный конверт детектива на приборную панель. Теперь же глянцевые прямоугольники фотографий, вылетевшие из открытого клапана, белым веером взметнулись вверх, прямо перед объективом камеры, впечатываясь в лобовое стекло.

Я резко нажала на пробел, останавливая воспроизведение. Кадр замер.

Качество записи регистратора было достаточно высоким. На стоп-кадре, прямо по центру моего монитора, зависла одна из фотографий. Зернистый, сделанный издалека, но абсолютно узнаваемый профиль моего респектабельного мужа в его любимом кашемировом пальто. И стоящая вплотную к нему худенькая девчонка в джинсах, на плече которой болталась дешевая розовая сумка. Ева. Та самая интернша из его клиники. Они стояли у обшарпанной двери придорожного мотеля, и Александр собственным ключом нетерпеливо открывал замок.

Через долю секунды на видео раздастся звон осыпающегося каленого стекла, и запись оборвется темнотой.

Я сидела на крышке унитаза, не шевеля ни единым мускулом. Вода в раковине продолжала монотонно течь, но я ее больше не слышала. Звуки внешнего мира перестали существовать.

В моей голове не было кинематографического звона или внезапной вспышки света. Психологический блок, выстроенный поврежденным мозгом ради спасения моей психики от невыносимой боли, не просто дал трещину. Он рухнул с оглушительным, глухим внутренним грохотом, обнажив черную, зияющую пропасть абсолютной правды.

Воспоминания не возвращались робкими крупными — они ударили в меня сплошным, тяжелым бетонным монолитом. Несколько дней назад, когда я пряталась в темном кабинете мужа и увидела на его тайном телефоне имя интернши, я уже вспомнила саму физиологию измены. Я вспомнила скрип миланского дивана, тошнотворный запах клубничного вейпа и розовую синтетическую ляжку. Но тогда это были лишь грязные, обрывочные фрагменты боли.

Теперь же этот пазл оброс недостающими, фатальными деталями. Я вспомнила частного детектива. Вспомнила плотный бумажный конверт без обратного адреса, переданный мне курьером прямо в руки на служебной парковке в то сырое утро. Вспомнила свою собственную, ледяную решимость войти в клинику, а затем — желание развестись и стереть его медицинскую империю в порошок. Я гнала машину по трассе не в состоянии слепой, беспомощной истерики. Я ехала с железобетонными доказательствами его грязи.

Все сошлось. Идеальная, замкнутая архитектура чужой лжи предстала передо мной в полном, дьявольском объеме.

Муж не просто пытался скрыть банальную интрижку на работе. Поняв, что я ехала от него с компроматом и готова была уничтожить его бизнес при разводе, он воспользовался моей амнезией как роскошным, невероятным подарком судьбы. Александр лично вытащил видеорегистратор из разбитой машины, пока я истекала кровью на обочине. Он изолировал меня от внешнего мира, цинично отрезал от родной дочери, скупил новые телефоны без истории и начал методично, с помощью своего трусливого ручного доктора Фиалкова, пичкать меня мощными транквилизаторами. Мой муж не пытался сохранить наш брак из благородства. Он выжидал. Он готовил юридическую почву, чтобы признать меня недееспособной сумасшедшей, навсегда запереть в закрытом санатории и легально переоформить на себя весь бизнес, построенный на сбережения моего покойного отца.

Я медленно сняла наушники и положила их на край раковины. Тихий гул кулера снова ворвался в реальность.

В бульварных романах женщины в такие моменты начинают истерично кусать губы до крови, бить кулаками по холодному кафельному полу или рыдать в голос, размазывая по лицу

слезы отчаяния. Но я уже отплакала свой животный ужас прошлой ночью. Мой резервуар для слез был абсолютно пуст. На его месте образовалась кристально чистая, холодная, как жидкий азот, расчетливая ярость.

Я аккуратно закрыла крышку ноутбука. Вытащила пластиковый адаптер с флешкой и намертво зажала его в ладони.

Подняв голову, я посмотрела в огромное, ярко освещенное зеркало. Оттуда на меня смотрела шестидесятилетняя женщина в просторном сером флисе. Бледная, с темными, болезненными тенями под глазами, уставшая. Но это больше не была та безвольная, напуганная пациентка, которую Александр пытался вылепить из меня последнюю неделю.

Мой взгляд сфокусировался на правом виске. Там, из-под края аккуратной медицинской повязки, виднелся свежий, чуть покрасневший рубец от хирургических нитей. Я медленно подняла руку и провела подушечкой пальца по этому следу.

В древнем японском искусстве кинцуги мастер никогда не закрашивает трещины на разбитой керамике, пытаясь стыдливо скрыть ущерб. Он заливает их настоящим золотым порошком, смешанным с лаком, превращая место разлома в самую ценную, самую эстетичную часть предмета. То, что однажды было сломано, становится прочнее и дороже того, что никогда не падало. Этот шрам на моем виске больше не был унижительным символом моей слабости или потери памяти. Это был мой золотой шов. Я вспомнила всё. Я заново собрала себя по кускам.

Я выключила воду. Хромированный рычаг поддался с тихим, металлическим скрипом.

Повернув голову, я скользнула взглядом по стеклянной полке у зеркала. Там ровным, идеальным рядом стояли дорогие мужские принадлежности: массивная стальная бритва, эксклюзивная пена, тяжелый флакон лосьона с тем самым терпким ароматом сандала, который Александр так любил. Безупречный, выверенный порядок нарцисса.

Открытая, честная война против человека, который полностью контролирует твои финансы, твоих врачей и даже мнение твоей собственной дочери – это удел глупцов. Если я прямо сейчас поднимусь на второй этаж, включу свет и брошу ему в лицо свои обвинения, он просто скрутит меня и вызовет санитаров. Настоящий архитектор-реставратор прекрасно знает: чтобы безопасно снести гнилое, монументальное здание, категорически нельзя бить по нему кувалдой снаружи. Нужно методично, миллиметр за миллиметром, подтачивать его скрытые несущие опоры, пока оно не рухнет строго внутрь себя под тяжестью собственного непомерного фасада.

Я сунула флешку обратно в карман. Завтра утром великий доктор Чернов проснется в полной уверенности, что его стерильный мир все еще безупречен. И завтра утром я начну превращать этот мир в параноидальный, липкий кошмар, в котором он сам усомнится в собственном рассудке.

Глава 14.

Яд всегда подают с самой заботливой, безупречной улыбкой. Эта мысль билась в моем окончательно прояснившемся сознании ровным, холодным пульсом, пока я смотрела на стакан с фильтрованной водой, который Александр только что поставил передо мной на мраморный кухонный остров.

– Доброе утро, моя птичка, – его бархатный баритон мягко резонировал в просторной, залитой серым осенним светом кухне.

Мой муж выглядел безукоризненно, как и в любой другой ден

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.